

**Анатолий
Рясов**

Предчувствие

18+

Анатолий Рясков

Предчувствие

«НЛО»

2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Рясов А. В.

Предчувствие / А. В. Рясов — «НЛО», 2022

ISBN 978-5-4448-2058-2

В мире, где даже прошлое, не говоря уже о настоящем, постоянно ускользает и рассыпается, ретроспективное зрение больше не кажется единственным способом рассказать историю. Роман Анатолия Рясова написан в будущем времени и будто создается на глазах у читателя, делая его соучастником авторского замысла. Герой книги, провинциальный литератор Петя, отправляется на поезде в Москву, а уготованный ему путь проходит сквозь всю русскую литературу от Карамзина и Радищева до Набокова и Ерофеева. Реальность, которая утопает в метафорах и конструируется на ходу, ненадежный рассказчик и особые отношения автора и героя лишают роман всякой предопределенности. Все, что остается, – предчувствие. Анатолий Рясов – писатель, поэт, исследователь, музыкант. Автор книг «Три ада. Роман-антипутеводитель» (2003), «Пустырь» (2012), «Сырое слово» (2015), «В молчании» (2020), «Беккет: путь вычитания» (2021), а также книги «Едва слышный гул. Введение в философию звука» (2021), вышедшей в «НЛО» в серии «История звука».

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4448-2058-2

© Рясов А. В., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Пролог,	6
Часть первая. Отъезд	7
Эпизод первый,	7
Эпизод второй,	10
Эпизод третий,	17
Эпизод четвертый,	25
Эпизод пятый,	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анатолий Рясков

Предчувствие. Роман

© А. Рясков, 2022

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Пролог, *что попытается выступить в роли камертона*

Чем бы завершить?

Нет, так не пойдет. За раскаленную печную дверцу ведь тоже не станешь братья голыми пальцами. Потому-то вечно поблизости все эти прихватки, полотенца, платки, кочерги, пусть даже отмычки, чего уж там. В конце концов они, конечно, начнут раздражать, и все равно схватишься рукой. Назло себе. Но тогда уж и вопрос забудешь. Особенно если дверца окажется холодной. А пока что не так. И придется спрашивать, хотя причина понуки весьма смутна. Как вкрадчивый, но, увы, неразборчивый шепот сквозь дымную штору. Бесконечно тусклый, восхитительный. Никому не принадлежащий. Но чтобы уж совсем не запутаться, можно выбрать другую формулировку, попроще. Сделаем вид, что это подходящее слово.

Ну вот, к примеру: как назвать этот город?

Действительно, сами посудите, поистине чудоватое местечко, будто бы намеревающееся притвориться неразрушенными декорациями. Представьте все эти негодные театры с их пыльным реквизитом, дырявым занавесом, несуразными костюмами, нелепым фиглярством, зевающей публикой. Взглянув на сцену, зрители не станут признаваться в том, что это единственный для них шанс узнать хоть что-то о своей жизни. Что сцена реальнее повседневности. Да, это тоже станет частью всеобщего притворства. Слово лишь в обличье лукавого, наигранного фарса вся эта невнятная текучесть сможет получить повод для извинения. Но скажите на милость, неужели проклятие навеки нависнет над худосочными, сиротливыми плечами? Разве обвиняемый так и останется стоять в этой скорбной позе – со склоненной, обвислой, словно наполовину срубленной головой, неспособный избавиться от чувства состоявшейся обезыменности?

Да, наверное, несчастный городок так и застынет на кривом взгорье, на берегу замерзшей речки – перед блеклым, выдуманым, ледяным полуотражением, словно восковая кукла, съезжившись от обязательного холода. И не сдвинется с места даже после того, как последний воображаемый прокурор покинет площадь Правосудия. Неумельный, хворый актер, надеющийся, само собой, не на аплодисменты, но хотя бы на подобие снисхождения. Так и будет вслушиваться в трепетную тишину, в коварную торжественность, в безответность. В какой-то морозной, анонимной оторопи. В смутном сиянии. Не решится раскрыть глаз, не сумеет заметить, что зал давно пуст. Сколько же он простоит на неуютной, постылой сцене? Или уже через мгновение упадет с подмостков, как шахматная фигурка, сметенная с миниатюрной доски рассердившимся ребенком, которому надоест разучивать правила игры. Кто сможет ответить?

Часть первая. Отъезд

Эпизод первый, сделаем его похожим на завязку, хотя и не станем сообщать почти ничего ни о главных, ни о второстепенных героях дальнейшего повествования

Когда вам наконец посчастливится остановиться в здешней гостинице, не изумляйтесь, если консьержка, приподняв кудлатую шевелюру над кучей влажных от слюны семечных шелушинок, непременно сваленных прямо на стол аккурат между завернутым в змеящийся кабель телефонным аппаратом и стаканчиком с письменными принадлежностями (тупыми карандашами, непишущими ручками, рваными промокашками, покоящимися на дне окаменелыми ластиками, точилками и другой бесполезной канцелярской утварью), – так вот, не округляйте глаз, если дама, сверкнув рябоватым лицом, не станет провожать вас до номера, делясь подробностями о достоинствах отеля, а лишь окинет зевающим взглядом протянутые документы и, словно несказанный дар, просунет в крохотное окошко ключ от вашей комнаты, завернутый в засаленную, напоминающую обрывок просроченного медицинского рецепта бумажку с начертанной цифрой-иероглифом.

Впрочем, пары слов вы удостоитесь.

Секунду, шас дожю. Квокша поднимет указательный палец, давая понять, что все же не намерена отпускать вас без своего рода напутствия. Вы послушно дождетесь завершения усердного челюстного труда (во рту у мымры будут уже не семечки, а загодя припасенный бутерброд с салом), потратив драгоценное время на разглядывание потолочных сапин и неровностей. Тут же рядом – обнадеживающая записка об отсутствии в отеле клопов и тараканов, а также совсем уж неуместное объявление: «Продам фортепиано „Заря“. Разумный торг. Расстроенное, потребуетя настройка. Самовывоз с третьего этажа. Лифта нет» (вот уж, честно сказать, дело на любителя; понять бы еще, откуда здесь это пианино на третьем этаже). Затем всматривание в паркетные расщелины. Разглядывание застрявших там рисинок, орешков и зубочисток. Затем еще несколько эонов густой тишины, заграждающей все звуки, даже чавканье.

И наконец ответ.

Что ж, родненький, отправляйтесь блуждать по этажам и коридорам, у меня и без вас забот не оберешься. Поспешным, почти бесшумным выхлопом словно бы вымычит эти – вернее, конечно, не совсем их, но наверняка чем-то похожие – напрасные слова ее зевок, на глазах превращающийся в полуулыбку. Какая мимика! Какая гамма эмоций! На секунду покажется, что изо рта у тетеньки вывалится шматок черной сажи и повиснет на губах, как остатки поблескивающей лужги. Как пепел несостоявшейся речи. Пакетики чая и баранки, завернутые в еще планируемую к прочтению газету, дрянные сигареты, какие-то папки в футлярах из пыли, полная выдранных волос расческа – нет, эта пропахшая котлетами и салом каморка не будет похожа ни на монашескую келью, ни на больничную палату, но почему-то заставит перебирать бесполезные шпаргалки аналогий. Однако хватит упражняться в ерничаньях, для этого абзаца их уже вполне достаточно.

Вы покинете душное фойе и, даже не подумав искать глазами лифт (спасибо объявлению), подниметесь по дряхлой лестнице, выбивая каблуками белую пыль из приклеенной к ступенькам ковровой дорожки (нет, не пытайтесь разгадать ее первоначальный цвет). Этажей всего три, а коридоров на каждом из них – по два, или в каком-то смысле – один, под прямым

углом расходящийся в стороны от лестничного пролета. Но по нему действительно придется поблуждать. Комнат будет немного, однако невнятица с нумерацией и частое отсутствие цифр на дверях обрекут вас на продолжительные унылые скитания. Вы задумаетесь о том, тот ли это этаж. Спуститесь и подниметесь, затем спуститесь еще раз, возможно, даже решитесь задать вопрос хранительнице ключей (впрочем, вряд ли, не надо, зачем портить едва окрепший намек на товарищество). А желанию незамедлительно сменить гостиницу воспрепятствует мгновенное воспоминание о том, что заместить ее решительно нечем (по крайней мере, это достоинство отеля едва ли сумеет ускользнуть от вашего внимания). Наверное, в какой-то момент вы готовы будете войти в любой номер, дверь коего будет приоткрыта: не обнаружив внутри посетителей и потому посчитав его свободным, решитесь упасть на скрипучую кровать. Пусть даже эта клетушка окажется комнатой для гостиничного персонала. Пусть даже она будет загромождена тряпками, швабрами, ведрами и бумажными рулонами. Пусть даже не на кровать, а на сваленные на полу покрывала. Уснуть, поскорее уснуть, а там уж будь что будет. (Гори все огнем, как скажут некоторые, мы же в меру сил постараемся воздерживаться от чрезмерных банальностей, но, не впадая в противоположную крайность, заметим, что полностью избежать их, вероятно, тоже не удастся. Так уж сложатся обстоятельства. К тому же о трюизмах у всех свои представления. Как вам, наверное, известно, сколько людей – столько и мнений. Но хватит, всегда лучше недоговорить, чем переговорить.) Так вот, весьма вероятно, что впереди вас ждут гроздя возмущений, крики, скандал – господи, да какая разница. Пусть все это будет продолжением сна. Потом, пускай когда-нибудь потом начнутся ненужные разбирательства... Да, лишь такого рода мысли сумеют найти приют в вашей раскалывающейся голове.

Но радуйтесь, коли так! Ведь для кого-то не столь удачливого все способно предстать в куда более мрачном свете: скажем, под ноги рассеянному бедняге перевернется ушат помоев, забытый бестолковой уборщицей – с утра она затеет мыть полы, но что-то отвлечет ее от этого дела, и растяпа попадет в ее таз, словно глупый зверек в заготовленный капкан. Грязная вода растечется по полу, и темно-серые струи, образовав беспорядочный лабиринт, окружают пленника многократным сплетением жидких щупалец. Понадобится недюжинная отвага, чтобы переступить через хлещущие с невиданной силой потоки, но откуда возьмется мужество у того, чьи ботинки к этому моменту превратятся в затонувшие шлюпки, а промокшие носки при попытке сделать шаг породят столь неприятный хлопок, что сама мысль о движении взбаламутит в глубине души только колющий, горький стыд? И вот, уже приготовившись разрыдаться, бедолага, полагающий это положение худшим из возможных зол, откроет новый оттенок мрака. Ненароком поскользнувшись на мокром линолеуме, он обнаружит себя в самом центре отвратительного мыльного болота. Какой трагичный миг, какая пронзительная нота! Сжались, не станем описывать дальнейшие мытарства этого пусть и вымышленного, но не столь уж нереалистичного персонажа, не будем повторять выражений, с которыми обратится к нему ошарашенная шумом уборщица (положим, что бездельнице уместно приписать это ремесло – хотя если кому и придется теперь убратся восвояси, так явно не ей), а, перешагнув через эти неприятные мгновения, словно через пресловутые лужи, поспешим уже в ваш номер, чтобы поскорее познакомиться с его скудным убранством.

Итак, перед вами парочка истертых стульев; засиженный мухами комод (да, именно этот избыточный предмет мебели бросится в глаза одним из первых); стол, поблескивающий кольцами неотмытых кофейных или, пожалуй, даже винных пятен, если пристальнее приглядеться к этим липким кренгельсам; прямоугольник тусклого света, его явно будет недостаточно ни для работы, ни для чтения (а если передвинуть стол левее, поближе к окну? так лучше? уютнее? или стол не понадобится? помилуйте, возможно ли такое?); лампа, по странной прихоти захочется назвать ее керосиновой, но сдержите неуместный речевой каприз, мы совсем в другой эпохе; паутина в углу, под потолком, своими размерами она напомнит гамаки тайских рыбаков (опять претенциозные метафоры); ваза с перевернутым вверх ногами венком (а вот это

не столь уж тривиальный образ, если задуматься); оконное стекло – проведя по нему ладонью, удастся сквозь образовавшийся в пыли проем насладиться видом на покосившийся деревянный нужник на заднем дворе (кто должен навещать этот мавзолей с окошком-сердечком на дверце? посетители самых дешевых номеров? какие-нибудь рабочие? сторож? сколько еще часов и где намерены прятаться все эти герои?); затем ржавая вода из-под крана в ванной комнате, куда вы зайдете, чтобы отмыть руку от липкого стекольного пуха, освежит бурые подтеки на стенках раковины; и, наконец, неказистая скрипучая кровать, вы тут же сдернете с нее похожее на старый халат покрывало и уже через несколько минут забудетесь беспробудным сном. Не волнуйтесь, вшей и мокриц в гостинице нет и не будет. Конечно, вам уже известно это преимущество нашего отеля из записки, припиленной у гостеприимного окошка консьержкиной каморки, но почему-то именно оно станет последним, что придет вам на ум, перед тем как все происходящее поглотят сновидения. Хотя нарочитость и категоричность этой нелепой бравады в усталом полузабытьи все же вызовет неприметное подозрение: не вредна ли и для посетителей таинственная отравка, навсегда изничтожившая всю ползучую живность? Но поздно волноваться, вы уже на пороге беспомыслия.

А теперь повторим: как же назвать этот городишко?

Да, не такой уж простой вопрос, как покажется на первый слух, но во всяком случае табличка на вокзальной станции... Нет-нет, не станем упреждать событий. Еще не время переходить к описанию вокзала. Вероятно, имя придумается, но позже, к чему вымучивать заголовки прежде срока? Незачем это. Решительно незачем. Да и не надо придавать кличкам сакрального значения. Название непременно появится. Само собой. Потом. Как и злобная уборщица. Вдруг даже это будет одно и то же имя. Это не такая уж редкость, вспомните, в конце концов, Софию или Вирджинию, Анапу какую-нибудь. Так что спите спокойно, торопиться некуда, а мы, оставив вас в ядовитом царстве сна, обратимся к тем, кому предстоит сыграть куда более важную роль в дальнейшем повествовании. Ничто не помешает нам погрузиться в события, которые, возможно, и не подумают происходить.

Эпизод второй,
к радости пытливого читателя мы поведаем кое-что
о главном герое романа, но большую часть страниц
посвятим некоторым приметам провинциальной жизни

Поверьте, еще не раз проплывет перед глазами эта пыль, привыкшая серыми сгустками оседать на вещах задолго до того, как их вынесут из магазина. Тонкая песчано-пепельная пленка будет прочно скреплять здешние явления мутной гризайлью: неказистые дворы, покосившиеся ворота, скамейки с отломанными спинками, колдобины под ногами, увязшие в грязи тележки; убогие комнатухи, нераздвигающиеся дверцы буфетов, их дребезжащие (какой досадный звук!) даже от самых вкрадчивых шагов стекла; ничего не выражающие взгляды; плохо подметенный пол, хранящий в узких щелях осколки яичной скорлупы и обрезки ногтей, отстриженных (отгрызенных?) вместе с кусочками плотно приставшей к ним грязи; нескончаемая, поистине нескончаемая брань; отбитые ножки бокалов и липкие рюмки; рассыпанные на полках, давно потерявшие срок годности таблетки; кладовые, сберегающие прах изъеденных молью, рассыпавшихся шалей, – все это мелочное, невыносимое, столь знакомое существование.

Итак, в очередное утро он будет спать беспробудным, полупьяным сном. Очнется, грязный, помятый (хорошо еще, если его ботинки с вечера окажутся сняты), широко раскрытый рот будет жадно вдыхать кислородный воздух, попутно разрежая тишину тошнотворными расхрипами. Если в эту комнату каким-то чудом попадет посторонний, то первым его инстинктивным движением станет откупоривание окна или хотя бы форточки.

Обстановка? Если кратко – скопище хлама. Немытая посуда, пустые папиросные пачки, смятая одежда, опорожненные бутылки, хлопья пыли в углах, посверкивающие на утреннем солнце, как комки тополиного пуха. Можно дать и куда более детальное описание, но пора уже разбудить хозяина комнаты. Нам помогут прорезающие дымку солнечные лучи.

Пролежав несколько мгновений с открытыми глазами, он, немного вернувшись в себя, почти привстанет на одном локте, пытаясь припомнить события предыдущей ночи, затем протянет руку к пачке папирос, благо одна, не пустая, найдется на табуретке рядом с кроватью, и уже через считанные мгновения пепел начнет падать на его липкую бородку, на нестираную наволочку, на заскорузлые пальцы, осыпаясь, как иссохшие башни однодневного песчаного дворца. Но дымящееся размышление, если здесь вообще уместно зачинать разговор о мысли, не породит ничего, кроме грубого ругательства, которое, надо отдать должное хозяину жилища, не худшим образом охарактеризует описываемую ситуацию. Наконец это жалкое существо попытается подняться.

Стоп.

Неужели вы готовы поверить, что перед вами – главное действующее лицо разворачивающегося повествования? Боже правый, как же легко ввести вас в заблуждение!.. Стыдитесь! Побойтесь Бога, если вы верующие! Опомнитесь! Эта наивность рано или поздно приведет к тому, что вы попадете в сети настоящих жуликов. Так иной раз кто-нибудь сгоряча скажет: нет, не родит верба груши (сделаем вид, что эта поговорка здесь уместна). Понятно же, что перед нами – третьестепенный, случайно попавший в фокус повествования персонаж, дела которого в дальнейшем нас никоим образом интересовать не будут. Более того, у почти уже готового появиться на авансцене протагониста с этим субъектом обнаружится довольно мало общего. Если он взаправду когда-нибудь станет подобным забулдыгой (забегая вперед, скажем, что от превращения в столь бесцветного субъекта его, скорее всего, удержит благоприятное стечение обстоятельств и врожденная сила воли), то нам придется совсем иначе выстроить

повествование, а поступать так, признаемся, нет никакого желания (кстати, еще неизвестно, сумеет ли рассказ вообще сложиться в таком случае). Пожалуй, ненужного персонажа надо бы вырезать из этого эпизода, пронумерованного двойкой, но в каком-то смысле он необходим нам, чтобы сыграть на контрасте, да и, возможно, двойка эта – нечто вроде оценки, выставленной провалившемуся на жизненном экзамене болвану, без которого наш дальнейший рассказ вполне сумеет обойтись. Конечно, здесь уже впору возмутиться. Воля ваша, спрашивайте: что это за существа перед нами? Зачем нам узнавать о них эти анекдотические подробности? Не довольно ли уже зубы-то заговаривать? К чему эта глупая консьержка, этот пьяница? Какие еще контрасты? Когда же, собственно, начнется история?.. Ну потерпите, торопыги, ответит рассказчик, поглаживая почтенную бороду. Скоро все узнаете.

Так где же, намереваетесь определить, этот вечно ускользающий от любопытных взоров некто, готовый отрекомендоваться главным героем? Ах, лишь в одном можно быть уверенным: он ни за что не станет спать в этот час! Душ, с некоторой ленцой выполненные гимнастические упражнения, утренний кофе, легкий (не побоимся даже сказать – скудный) завтрак – все это уже позади! Мы застанем молодого человека (ужасное словосочетание, не правда ли, но куда деваться?) торопящимся на вокзал, а поскольку дом его не из тех, что выходят окнами на гнилые шпалы, дребезг железнодорожных составов, заблеваные кафе и площадную ругань, а вовсе даже наоборот – расположенный на самом краю нашего городка, всматривающийся в широкое, необъятное, пусть и засеянное невесть какой породой поле, ежедневно служащее усыпальницей для солнечной звезды, то наш спешный путь будет пролегать через несколько куда более тихих улиц и позволит немного понаблюдать за размеренной жизнью этого городка. Но сперва, хотя на бегу это и непросто, попытаемся рассмотреть нашего героя. Имейте в виду, здесь потребуется определенная сноровка.

Молод, русоволос, гладко выбрит, не станем перехваливать – но почти красив. Опрятен в одежде (хотя и не настолько, чтобы строить из себя какого-нибудь провинциального денди, во всяком случае зонта, шляпы и молескиновского блокнота у него нет), нередко резок в суждениях, ленив (да-да, не удивляйтесь – он и сам с радостью поспешит это подтвердить, тогда как увалень из предложения, открывавшего второй абзац пронумерованного двойкой (черт возьми, сколько продуманных совпадений) эпизода, напротив, ни при каких обстоятельствах не согласится считать себя лентяем), неплохо эрудирован (как минимум – в сравнении с повседневным окружением), нередко задумчив, пожалуй даже мечтателен (согласитесь, все эти качества на виду даже в столь суетливые минуты), внешне уравновешен, но вопиюще непрактичен и все же, повторим, невероятно силен духом. Лишь какая-то странная бледность вкупе с непричесанными вихрами выдаст едва приметное волнение. Да, горько признавать это, но юноша заметно бледен и немилосердно худ. Пожалуй, достаточно для первого эскиза. Отчего такое невнимание к деталям? Помилуйте, для размытой фотографии стремительно перемещающейся фигуры и этих замечаний не так уж мало! Скажем честно, даже спортсмена на беговой дорожке рассмотреть легче, чем этого проворного юношу. Да, вот так он вбежит, буквально вскачет в это неторопливое повествование, выплеснув из него меланхолию и скуку! Наверное, позже, если он, конечно, обратит взор в нашу сторону, мы сумеем составить о нем более полное представление. Да-да, нам наверняка еще удастся подкараулить его в менее решительный момент. Не будем оставлять надежды. А пока главное – не мешкать, попытаемся не отставать от нашего героя. Это важно.

Так вот, когда-нибудь, в тот день, когда у города уже точно будет имя – женское, мужское или какое-то бесполое, – он, настигнутый непостижимым решением, выйдет из дома, трижды провернув ключ в глазнице замка (словно в квартире останется что-то ценное), и с уже упомянутой суетливостью (не удивляйтесь, для большей точности мы повторим этот зачин еще раз, а впоследствии, наверное, время от времени будем обращаться к подобным приемам, ничего страшного, это поможет всмотреться в немаловажные детали) сбежит по лестничному пролету

на улицу, так что звук его шагов еще некоторое время будет отдаваться глухим гулом в колодце старого подъезда. А пока мы будем вслушиваться в этот теряющий смысл, но не величественность шум, молодой человек уже успеет выпрыгнуть в утро.

Но как же звать нашего героя? Умолчать еще и об этом будет вопиющим неуважением не только к слушателю, но прежде всего и к нему самому. Нет нужды так рисковать. Что ж, Иероним? Или все-таки Феофан?.. Святополк? Нет, ни в коем случае не станем выдумывать смехотворных кличек. Из-за ненужной вычурности роман запросто утратит ритм. Пусть лучше речь пойдет об обычном Петре или, скажем, Алексее. Почему бы и нет?

Итак, он выбежит из дома с пронзительным, радостным, неслыханным чувством, которое лишь условно соотносимо с бесцветным и маловыразительным словом «невозвращение». Забегая вперед, скажем, что обычно столь твердая уверенность ему несвойственна. Но теперь – дело другое. Разве можно поверить, что он больше сюда не вернется, что ему в конце концов (в начале начал? в середине средин?) удастся вырваться из пресного ада и вдохнуть долгожданное счастье? Победа, ликование, душевный шторм, головокружение, барабанная дробь пылкого сердца! Как скоро то, что прозябающим здесь горемыкам по-прежнему будет казаться жизнью, станет для него лишь тенью на стене, забытым ощущением удушья! Опостылевшее прошлое перестанет существовать, сползет в сточную канаву, полную осклизлых огрызков, превратится в лакомство для жирных, замшело-звенящих мух. Наконец, наконец (или все-таки перво-наперво?) удастся сбежать из этого гадкого местечка, где каждая вещь с привычной унылостью будет лелеять мечту как можно скорее состариться; где природа всегда будет казаться принявшей снотворное, а архитектура – хлебнувшей яда; где покосившийся рыжий крест на луковиче купола не потеряет сходства с флюгером, который вот-вот уронит ветер, а обшарпанная каланча колокольни словно создана для того, чтобы внушать мысли о самоубийстве; где даже горький, мешающий дышать воздух продолжит дымиться лишь затем, чтоб доводить людей до безумия. Нет, все это не способно остановиться в больничном давлении на психику, задержаться здесь – будет означать подступить еще ближе к грани помешательства. Если что-то достойное и сумеет каким-то чудом проступить сквозь горклый туман, то непременно будет заключать в себе зародыш болезни, обреченности расти в этой глине и потому слишком быстро износится, истлеет, крошится по углам, словно негодный кирпич, сгинет в трактирной духоте и стуке банок по столам (отродясь – никаких кружек в этих грязных харчевнях), ненужным сорняком упадет в помойное корыто, будет вырвано с корнем, втоптанно в мокрую землю, нет, нет смысла и сил продолжать. Ясно одно: здесь ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя оставаться. Пора вырвать из тягучего ила покрытый тиной якорь, превратить его в абордажный крюк, нет, пожалуй, это слишком безрассудное решение, лучше просто перерубить ржавую цепь. Она не так уж крепка, но для этого поступка тоже понадобится некоторая отвага, стряхнуть с себя память не так-то просто.

Не собрав никаких вещей, Алексей – нет, все-таки Петр! – не согласится взять даже одну-две из своих книг, на которые привык тратить почти все свои деньги. (Конечно, большинство томов – в дешевых изданиях, с массой опечаток, с отклеивающимися страницами, но читать романы, пьесы и стихи с экрана¹ он так и не научится.) Так вот, из всех этих бумажных кирпичей, годами выстраивавших его жизнь, он не захватит ни одного, потому что его квартира, само собой, тоже покажется впитавшей зловоние проклятого селения, и – это известно наперед – даже книги сохранят постылый душок плесени. Да, да, не бери ни мешка, ни сумы, ни обуви и никого на дороге не приветствуй. Если воскресить бабушку нашего героя, она, наверное, выберет именно это напутствие. Что ж, вдруг и мы отыщем что-то полезное в бесцельных блужданиях, что, если они-то и окажутся полезнее привычной пользы?

¹ (Пора прибегнуть к помощи сносок.) Сложно поверить, но электронные устройства, словно всеохватная зараза, уже успеют добраться даже до столь захолустных мест.

Решение, которое вроде бы должно быть загодя обдуманым и взвешенным, вопреки всему будет принято внезапно, нежданно-негаданно, между делом, с бухты-барухты, как обухом по темени, вдруг, именно что вдруг; состоится задним числом, в один из таких же случайных, неотличимых друг от друга дней. Все, что он успеет ощутить, – это неумовимую важность первичного «вдруг», определяющего границу между старым и новым или, вернее даже, охватывающего обе противостоящие территории. Да, это «вдруг» окажется важнее всего остального.

Сжимая в руке билет, он помчится на другой конец вяло просыпающегося городка по одной из закоснелых улиц, по зашарканным булыжникам, которые навсегда останутся лишь робким намеком на тротуар. (Здесь можно будет до скончания веков вести споры о том, мостовая это или грунтовка, хотя, впрочем, никому из подвернувших тут ногу не придет в голову дискутировать на подобные темы, либо же диспуты будут неотличимы от многоэтажной брани, лучше уж не станем упоминать слов, что неволью сорвутся с их уст.) Вдыхая запахи невкусной утренней еды, мусора, выброшенных цветов, поджигаемого мальчишками сухого сена, он решит не перебирать в голове события своего детства, хотя буквально каждая из выбоин под ногами останется мутным окном, сквозь которое можно заглядывать внутрь памяти. И в этих ямах все всегда будет размываться, там не найдется ничего, на что можно опереться, но как раз в безнадежной далекости – нечто слишком даже реальное, опасность обостренной действительности. Впрочем, по-настоящему в такое путешествие никогда не удастся отправиться. Прошлому – тем более. А по-будущему? Пока еще не сможем ответить. Но Петру (довольно миндальничать, решимся сохранить имя) некогда будет думать об этом. Распугивая путающихся под ногами кур, он успеет ускользнуть еще до того, как в воздухе зашевелится крещендо знакомых звуков: шарканье шагов, скрип ставен, сонные голоса, курлыкание голубей, урчание моторов, ленивый стук молотка; до того, как люди покажутся во дворах, до того, как они затеют первые свары. Сладостное ощущение чуждости всему этому. В который раз прошлое покажется лишь неудачным эскизом того, чему суждено произойти с ним.

Внезапно – громкое чиханье: это нарушит затишье старик-сосед; как обычно, Никифорищ не остановится, пока не чихнет еще пять-шесть раз, сотрясая своими выхлопами развешанное по двору белье, всем телом задрожит так, словно у него нескончаемая аллергия на стирку, а на самом деле это просто всем знакомая привычка, так что до этих взрывов никому и дела не будет. Прочь – от обреченного мычания лишаистых коров, от пригнувшихся по берегам грязной речушки лопухов, от выглядывающего из сарайного окна красноглазого нахохленного петуха – вытягивая шею, он захочет по заветам отцов напоследок наказать непослушного паренька: подло клюнуть или даже вкогтиться в волосы нашего героя, словно не желая замечать изменений в его возрасте. Что ж, осторожно спросим и мы: так ли уж она велика, эта разница? Или иначе: почему ее всегда будет хотеться сократить или удлинить, почему она не способна совпасть с самой собой? Но он ни за что не станет слушать подобных вопросов, отчего-то больше всего ему теперь захочется сбежать в те недоступные времена, в которых больше не придется ничего вспоминать. (Заметим в скобках, как странно, однако, само желание называть эту недостижимость «временами».)

Нет, сколько ни уверяй себя в неважности деталей, от них не так-то просто будет избавиться. Особенно если они прозрачны, растворены в воздухе, впитаны им. Невольно вдохнешь хоть малую часть. Петр уедет, чтобы никогда не возвращаться, а по этим кривым булыжникам по-прежнему будут бегать дети, одним из которых навсегда останется он сам. Невысокие, тянущиеся друг за другом домишки коротенькой улочки упрямо покажутся нескончаемыми. И не надо говорить: все дело в том, что ему по-прежнему неизвестно, что такое настоящая бесконечность (кстати, почему вы так уверены, что это слово нужно употреблять в единственном числе?), – не надо, помолчите лучше. Нет, эти прячущиеся под небом негодные лачуги, на самой окраине низкие, совсем деревенские, как утята, которых можно напугать топотом,

запросто разогнав по куширям, эти наклонные, касающиеся облаков, выдлинившиеся крыши и вправду сделают пространство необъятным, в который раз смешав близкое и далекое, точь-в-точь как на картинах иных художников. Или все дело в изначальной ложности противопоставления бывшего и предстоящего? Нет, этот вопрос пока слишком рано задавать, но мы все равно будем время от времени к нему возвращаться. Время от времени. Пространство от пространства. Температура от температуры. Звук от звука. Цвет от цвета. Против воли ему придется рассмотреть почти стертые дождем рисунки на исчербленном асфальте, попытаться собрать рассыпанные фрагменты, протопать еще раз по бесформенным лужам, по наизусть выученным подворотням. Он сможет сделать это даже с закрытыми глазами, как слепые – узнавая задворки лишь по звукам, разве что используя тонкую трость для постукивания по бульжникам и неровностям стен. Перемещаясь от звука к звуку, от времени к времени и так далее.

Вдруг, без предупреждения, ему снова исполнится пять лет. Он в том смутном, забытом отрезке жизни – еще до того, как начнет по-настоящему бояться темноты. Давно умершая бабушка примется ему читать. Да, тот возраст, когда буквы уже известны, но голос пока предпочтительнее. Он укутается в раскач и ворожбу полузабытых слов. Конечно, будет в этом чтении вслух что-то значительно большее, чем знакомство со стихами, что-то много большее, чем чтение, что-то спрятавшееся в интонации, которая запомнится лучше слов, но передать ее чужим голосом никогда не получится, поэтому и останется только хвататься за слова, хоть они, по крайней мере, будут теми же самыми. Или даже они незаметно изменятся, когда пройдет несколько десятилетий? Лучше думать, что нет. Помири нас как-нибудь: одному женою будь, прочим ласковой сестрою. Слушай, не спи пока, толкнет его локтем бабушка. Как просто назвать это ласковое забытьё сном; про себя он, конечно, не согласится, но не станет спорить, молча посмотрит на нее, подтвердив бодрствование. Как будто это так важно – слушать с закрытыми глазами. Ему-то покажется, что все наоборот: чтобы по-настоящему услышать, нужно сомкнуть веки, избавиться от мешающих картинок; бродить по дворам, изображая слепого, – это ведь правда его излюбленное занятие, а не выдумка. (Позже, не теперь, гораздо позже, он захочет научиться слышать с открытыми глазами – избавиться от опостылевшего противопоставления «на глаз» и «на слух», осознать его как слишком позднее.) Как царица отпрыгнет, да как ручку замахнет, да по зеркальцу как хлопнет. И вдруг бабушка заметит между страницами какой-то странный мусор, нахмурит брови, почти как та грозная государыня, ну нет, конечно, совсем не так, но быстро заставит внука признаться, что это его рук дело.

Придется открыться: в книге – расковырянные сухие корочки от ранок, оставленных недавней ветрянкой, ведь не отколупывать их еще сложнее, чем отказаться от чесания незатвердевших болячек. Но что самое обидное – нет никаких объяснений этому дурацкому желанию запихать запекшуюся кровь между страницами одной из любимых бабушкиных (да и его самого) книг. Воскресни она спустя десятки лет, он все равно будет так же виновато молчать, не сможет растолковать своего поступка. Как объяснить, что, захоти он взаправду обидеть ее, легко найдутся куда менее изобретательные способы – например, можно вырвать или перечеркнуть десяток-другой страниц из Библии. Так что дело вовсе не в стремлении причинить ей боль. А в чем же? Тут снова кто-то уверенно отчеканит: бунт против (пра)родителей, против их неумелых попыток раньше времени привить ребенку свои представления о высокой культуре (понадобится именно такая, суконная лексика; к слову, особенно любопытно здесь это «раньше времени»). Но целесообразно ли так неучтиво встревать в разговор ради повторения вопиющей тривиальности? Не гнев, а какое-то даже чувство стыда проснется в нас из-за этой вашей самоуверенной нелепости. Ведь для еще не совсем взрослого героя едва успевшего начаться романа, скорее всего, никогда так и не появится ничего ценнее этих убаюкивающих интонаций. Да, как ни странно, они раньше любого «воспитания» (бабушка никогда не будет связана в его воспоминаниях с этим словом). И стихи эти он будет помнить наизусть (до самой старости, если доживет до преклонных лет) вовсе не потому, что они – насильно навязанные;

наоборот – известные наизусть от начала до конца (это не преувеличение), по его же относительно недавней просьбе они многократно должны из вечера в вечер пропеваться перед сном, как прежде – на год-два раньше – другие, тоже хорошо знакомые всем азбучные небылицы: все эти «пойдет коза-дереза», «придет серенький волчок», «сказка будет впереди» (и его повторяющиеся просьбы с указаниями на еще помогающие пониманию картинки: прочитай еще, вот здесь прочитай). Или кто-то и тут рискнет ляпнуть что-нибудь про несвоевременность, травму и неосознанный гнев? Когда-нибудь бывший мальчик даже задумается о том, что все его последующие литературные «приобретения» – лишь отголоски той давней, забытой, но гнетущей утраты ежевечерних повторов, вернее чего-то важного, стоящего за ними, предшествующего им, дающего возможность их записи в памяти. Нет, если тут и можно вести речь о чем-то, то только о спрятанной где-то глубоко внутри нужде в святотатстве над ценным больше всего, о странной потребности посмеяться над ним, пусть это глумление одновременно будет высшей точкой слияния с самым дорогим. Как-то так. И при этом – ощущение неотделенности от мира, неразличения преданности и предательства или, наоборот, неотрезанности от себя, неумения смотреть на все со стороны. Да, детство закончится тогда, когда начнешь то и дело называть его детством, перестанешь просто жить в нем. Когда-нибудь попробуем сформулировать эти валкие мысли лучше. (Что ж, дойдя до конца нашей истории, мы, наверное, будем знать больше, чем теперь; эта цитата хороша, но вряд ли подойдет, так как мы не уверены, что наш рассказ можно будет назвать историей.)

Вот так все пронесется в его голове, не будет никакой возможности остановить летящую сцену, задуматься о ней. Ведь к этому времени он уже выйдет на центральную улицу (здесь уже появятся тротуары, проезжая часть и даже разделительная полоса). Снова перенесется на семнадцать лет вперед. Странная пьеса, наскоро разыгранная актерами на зыбких подмостках скрывающегося из виду ковра-самолета, уступит место повседневным сюжетам. Выходной день начнет расплескивать по городу свою кислую похлебку, ветер принесет собачий лай с далеких огородов, зачатит пыльная жара, продолжат чахнуть цветы, люди потихоньку станут приниматься за неохотные дела. Одни будут подновлять накренившиеся заборы и вылинявшие фасады, стирать накопившиеся за неделю тряпки, потом развешивать это белье на провисших веревках, подметать усыпанные куриным пометом дорожки; другие залягут под автомобили, чтобы крутить какие-то черные винты, этот ремонт, конечно, ни на минуту не приблизит момента попадания за руль; третьи, рыгая и отхаркиваясь, сразу отправятся в кабак. А он едва заметной тенью срежет путь по запекшейся тропинке между старыми яблонями. Тут ему придется увернуться от развевающегося штандарта продолговатого половика, которым живущая неподалеку тучная тетка (вроде бы ее имя Галина), облаченная в цветастый халат, будет колотить по потрескавшейся побелке стволов. Кстати, не та ли самая, уже знакомая нам черноротая консьержка задумает вдруг выбить пыль из гостиничного коврика? Нет, вряд ли она. Заметив расторопного юнца, Галина с безмолвным достоинством, плохо скрывающим внутреннее недовольство, уступит ему путь между ветками и, едва он успеет отойти на несколько шагов, тут же продолжит колошматить половиком по согбленным деревьям, едва не переламывая их стволы, вздымая тучу пыли, оседающей на ее халате, усугубляющей подмышечные и прочие пятна. А силуэт Петра (для справедливости присвоим ему хотя бы фамилию Алексеев) уже начнет таять в абсурдной хмари, как будто бы он зашагает еще быстрее. Прибавим шагу и мы, не терпится узнать, что же начнет происходить – и начнет ли.

Внезапно все прежнее, казавшееся завершенным, уступит место жизни, которую еще только предстоит прожить. В настоящем явственно проступят приметы грядущего, да, будущее начнет являть себя в разнообразных намеках. Неужели вот-вот придет время выбросить неудавшийся, опостылевший, изъеденный исправлениями и кляксами черновик, чтобы освободить место для ненаписанного романа, еще не существующего, но уже начинающего проявлять ясные очертания, настезь распахнутого в размахе возможностей, являющего себя

в несказанном совершенстве? Завершить его покажется сущим пустяком, чем-то не слишком обременительным и затратным. Однако до того, как эта минута настанет, должно будет произойти немало неинтересного. Или даже страшного. Вдруг промелькнет неясная мысль, что все, готовящееся свершиться, способно оказаться похожим на предсказания из старого бабушкиного молитвенника. Вдруг впереди именно те дни, когда люди будут искать смерти, но не найдут ее? Пожелают умереть, но смерть убежит от них? А что, если и взаправду солнце превратится во тьму, а луна – в кровь? А ты так и будешь молчать, лишишься речи до того самого позднего дня, как все это сбудется. Но не бойся. Видать, тебе надлежит молча пророчествовать во языцех, безмолвно предрекать беды.

Эпизод третий, сейчас мы едва не обрушим на героя непоправимую катастрофу

Вспышки золотарника и циннии, обжигающий ветер, тяжелый запах акаций, купающиеся в пыли воробьи. Грациозность стрекоз, выбирающих для полета самые причудливые траектории. Если среди читателей этих строк найдутся прозябающие в холоде, то такую погоду они наверняка назовут отменной. Да, над городом всюду распустится жара, солнце начнет парить все сильнее, раскаленный от коричневатой пыли воздух заставит листву потемнеть, и все же нарочитая духота выдаст агонию лета. Пока еще рано говорить об избавлении от мучительной лихорадки, но ведь скоро, очень скоро крохотные буро-желтые свитки покинут старую библиотеку и угрюмо отправятся с просветительской миссией в самую гущу глинистой грязи (никто не услышит их последнего, прокаженного звона). К этой минуте пламя в печи, наверное, уже почти погаснет, станет ясно, что продолжение невозможно, что дальше – лишь холодный, долгожданный, благостный пепел. Останется только окунуть в него ладони.

А пока что Петр минует старую голубятню. Заключенных птиц как раз на полчаса выпустят покружить над крышей, их дробящиеся тени примутся прорезать черные линии в ослепительном, неистовом сиянии. Он услышит крылья, покажется, что никаких птиц и нет – только шелест невидимых ангелов. Сначала в воздух поднимется один, самый смелый, и всеобщее хлопанье крыльев представится лишь аплодисментами зачинщику, но скоро шорох взвезется выше, гораздо выше крыши птичника, и все они, словно прикованные к земле невидимыми длинными цепями, превратятся в быстрые, зернистые полосы. И тут Петр тоже провалится куда-то внутрь надтреснутого неба и вспомнит повторяющееся видение.

Вот как оно попытается возникнуть на этот раз.

Четыре белые птицы, прилетающие из невообразимой перспективы. Их бешеный блеск, их сверкающие тени. Он, ожидающий за широким столом, словно намеревающийся пригласить гостей к вечеру. Но на столе ничего нет (да и что ему предложить им?) – чистая поверхность, вестники садятся по углам. Четыре огромные птицы начнут раскладывать на столе неясные, не собирающиеся в смысл знаки. Он не сможет разгадать предлагаемый шифр. Четыре птицы, четыре символа. Вспышка. Сон прервется, толком не успев начаться.

Здравствуй, Петя. Слова прозвучат будто начало письма (если захотите, сами придумаете продолжение: приезжай побыстрее, буду ждать, твой преданный друг, ну и тому подобное, хотя теперь уж, правда, мало кто вспомнит, что это такое – бумажные письма, а про стиль электронных и говорить смешно). Да, внезапно его мысли прервет успевший забыться, но все еще знакомый, словно звучащий в записи голос, разом напоминающий и вокал оперного певца, и скрип мела по грифельной доске. Несмотря на очевидную неуместность, беспоминные интонации вовсе не вызовут досады. Не станем скрывать владельца голоса. Это Мераб Шотаевич Ксоврели. Как будто снова помолодевший. Да, Петр встретит учителя (если это, конечно, будет он). В неизменной шляпе, с блеклыми пятнами мела на пиджаке. Будет ошибкой не сказать хотя бы двух слов об этом человеке. Один из немногих жителей городка, к кому Петр не утратит симпатии, но, впрочем, так и не сумеет найти с ним общего языка.

Обратимся ненадолго к прошлым временам.

Сразу явится все, а прежде всего – невыносимая пора так называемого воспитания, накопления ценностей (опостылевший брезгливо-экономический подтекст этих ужасных словосочетаний). Чернильные пятна на ладонях. Уже тогда он безотчетно осознает, что самые чудовищные планы способны воплощать в жизнь именно те, кто готов распевать бесконечные гимны культуре, неустанно бороться с варварством. Да, да, именно эти фразы. В них всегда

будет что-то убийственное. Как и в самой идее передачи знаний и опыта будущим поколениям, словно все должно быть срочно подверстано к современности, должно превратиться в прошлое еще до того, как успеет родиться. Точь-в-точь как по самым разным поводам выплевываемые дворовой шпаной вместе с семечками самодовольные слова: «Ну это тебе так, на будущее».

Раз за разом колонны и картины в золоченых рамах, призванные скрыть засиженные пауками чуланы, станут обнаруживать перекрестья трещин, а сквозь сверкающую краску будут прорастать шкуры и клыки. Исцеляющий эликсир створжится в яд. Все эти нагромождающиеся друг на друга башни ценностей непременно разрушатся, превратятся в надгробия для своих строителей, но немногие выжившие, изувеченные, полуслепые зодчие тут же начнут копошиться на развалинах, раскладывать обломки кирпичей в аккуратные кучки, отделять их от раздробленных костей, заштриховывать все «доисторическое», не решаясь включить его в стройное повествование, под панцирем которого хотя бы на время удастся схорониться. Снова попытаются придать культуре вид достроенного или, на худой конец, почти достроенного здания. Снова превратят недоступность события в приманку, до которой легче легкого дотянуться. И чем более всеохватной, выверенной, проработанной будет новая система, тем чудовищнее и грандиознее станет венчающий ее крах. Sic.

Ученик снова окажется за испещренной кляксами партой. И все, абсолютно все, что в него попытаются впихнуть, конечно же, выпадет обратно уже через мгновение, будет вынесено наружу спасительной рвотой – истинно обесцененным. Ничего нового. Тот же пахнувший хлоркой пол. Те же скрученные в трубочки, промазанные вонючим клеем газеты, заткнутые в щели оконных рам, сквозь которые все равно будет нещадно сквозить промозглый ветер. Вот лишь один незабываемый поступок: ведьма, преподающая историю, в гробовой тишине попросит его отдать ей авторучку, когда он слишком увлечется щелканьем (речь о тех временах, когда ручки с кнопками еще будут окружены у школьников ореолом моды). Что, ручку?... Да, отдай ее мне!.. Вот, пожалуйста... Тут он немного привстанет над последней партой и вытянет вперед свой (крохотный) кулак с зажатым в нем шариковым пером, найдя мужество произнести: вот же она, возьмите! Мегера (ее имя-отчество незабываемо: Анхен Ивановна), замешкавшись на мгновение, конечно, быстро опомнится и скажет: да нет же, щенок, принеси ее сюда, немедленно! Он послушно встанет и принесет. Но эта запоздалая податливость лишь подольет масла в огонь. Ведь даже ее «нет же» будет выглядеть лишь как неловкая копия его «вот же». Да, триумф уже состоится, последующие опровержения утратят всякий смысл, возмутительная немыслимость свершившегося уже будет осознана. По крайней мере, им самим. Тем мальчиком, которого давно нет, или почти нет, потому что его тень все никак не растворится в длинных или, вернее, кажущихся длинными коридорах, уходящих в забытье, все никак не исчезнет в обвешанных сталактитами норах пещер, все никак не провалится в гигантский котлован – туда, откуда больше нет выхода.

Нет выхода для него самого, но не для Ксоврели. Ведь только этот учитель сумеет принять его извечную хворость. Приехавший из Столицы, он будет казаться многим обитателям школы законченным неудачником, но одновременно всегда будет вызывать необъяснимое почтение – как отвергнувший недостижимые вершины. Благодаря лишь нескольким (правда, весьма решительно истолкованным) его знакам романы и стихи навсегда заменят ученику сверстников, станут чем-то вроде прогулок за пределы города². Так в рассказах самого учителя книги тоже окажутся единственным способом пережить нескончаемое одиночество.

Не скрою, у нас можно отыскать много общего, только вот у меня нет воспоминаний о бабушке, которые навсегда останутся с тобой. Эта память очень существенна, поверь. Мне не отыскать даже представления о том, где могила моих родителей, я навсегда лишен всякой

² Эти воспоминания вдруг перебьет оклик бабушки (и вся невнятность связанных со временем правил): «Иди уже обедать! Сбегут от тебя, что ли, эти книжки?»

связи с ними. Какие-то смутные образы только – из того времени, когда нет никаких следов, и как теперь понять, не выдумка ли это. (У нас еще будут причины вспомнить этот эпизод, но прояснится он не скоро – лишь когда мы доберемся до третьей части. Так что до поры сохраним в тайне все недосказанное.)

Попав в квартиру Ксоврели, он решит, что перенесен в другой мир. Ничего похожего на обшарпанную надменность школьной библиотеки, хотя на полках книжных шкафов не будет авторов позднее XIX века. Впрочем, нет, попадется несколько – именно там он впервые прочтет Лорку, Платонова, Рамю. Учитель окажется человеком из другого, неведомого мира – нельзя представить ничего более нелепого, чем его тогдашние (довольно редкие, надо признать) вспышки-рассуждения о курсе валют или ценах на нефть. То, что действительно удивит Петра, – это попытка совместить столь сильную отрешенность с желанием сделать литературу чем-то вроде твердой опоры. Ему так и не удастся разделить любовь учителя к истории, к бесконечным сериям томов о прошлом, о самых разных странах и эпохах. Голос Ксоврели: изучай, как можно больше изучай историю, из нее само собой сложится все. Но, вопреки совету, даты и факты станут безнадежно путаться, подменять друг друга. Вся традиция предстанет чем-то ничтожно малым, вечно несостоявшимся перед мыслью будущего.

Как-то раз наугад откроет одну из книг по истории, и все прочитанное покажется собранием уже происходивших в другое время и в другой части света событий. Ему попадется том о Северной Африке: о бедуинских племенах, от поселений которых со временем не останется даже названий. Совершенно неясной покажется их способность выжить после нескольких столетий завоеваний, нескончаемых волн просвещения, после сменяющих одна другую войн. Идеологии будут чередоваться, найдутся новые способы вселенского калечения, новые пытки, новые оскорбления, новое учение изберет в качестве мишени новое невежество, чтобы раз за разом окунать эту землю в бойню. Так и будет продолжаться, пока одна из войн не станет последней и песок наконец не засыплет их тела. Когда-нибудь историки напишут обо всем этом еще одну летопись, отнесут в архив рассыпающиеся скелеты, пронумеруют их. Сваленные, как хворост, тела мертвецов, песчаные дюны, осколки гор – все это станет вздыматься выше и выше, образовывать новые горы, на которых построят новые смотровые площадки, где туристы, вооружившись биноклями, расставят свои раскладные кресла. Вот только незнание всегда будет больше знания, больше суммы всех знаний. И никакое просвещение не сможет этого изменить, ведь само оно тоже останется незначительным подвидом незнания.

Проводя все свободное время перед книжными шкафами, Ксоврели по-прежнему будет считать, что уроки вновь и вновь должны приносить пользу – не только ему самому, но и его ученикам. Что они непременно зачем-то нужны, обязательно пригодятся. Что ими можно будет поделиться, всеми этими кирпичиками чудесной, бесценной культуры (уж поверь мне, сыну простого слесаря, – зачем-то учитель не раз произнесет эту дурацкую фразу). Что их нужно собирать, складировать как ценную информацию. Что они непременно должны научить чему-то, заставить поверить во что-то. Словно, если книги останутся просто интересными, а не полезными, они утратят самое главное. Как будто все они призваны быть скапливаемыми про запас воспоминаниями, а не непрочитанными загадочными письмами. У мальчика впервые промелькнет сомнение: неужели и Ксоврели тоже заражен этим воспитательным вирусом? Неужели даже он думает, что литература – враг невнятицы? Впрочем, он же все-таки учитель, что тут удивительного? Невероятно как раз то, что Ксоврели не смертельно поражен. Другие-то, напротив, останутся уверены, что лишнее, бессистемное чтение – верная помеха учебе. Почему-то сам учитель так и не почувствует разительной разницы между своими книжными собраниями и школьной библиотекой. Ученику же отличие сразу бросится в глаза: здесь можно будет безнаказанно пролистать любую книгу, а потрескавшаяся библиотека навсегда сохранит огромное количество угрюмых, мертвых правил, словно призванных превратить чтение в тяготу, в идеале – полностью избавить залы от читателя. Да, те ветхие стеллажи пока-

жуются похожими на угрожающие обрушиться скалы знаний (простите Петру слишком частые гиперболы), которые никогда не будут усвоены, воспоминаний, которые ни за что не соберутся в память. Поэтому в возражениях и захочется зайти как можно дальше – заявить, что главная сила и притягательность письма как раз в противоположном: в его абсолютной бесполезности, в отказе от обдуманых маршрутов, в гимне забвению. Но эту нарочитую тщету побоятся признать даже влюбленные в литературу (слишком уж подозрительно полное отсутствие выгоды, лучше уж на всякий случай умолчать о таком). Самое важное учителю так и не удастся: книги не станут компасом, помогающим ориентироваться на местности, вернее к подобным текстам Петр быстрее всего утратит интерес, зато безо всякой меры начнет отыскивать в литературе противоположное – тягу к несущественному, почти несуществующему. Уже тогда он (пока что очень плохо, путано сформулировав) решит, что самым важным его делом должно стать уничтожение связки между литературой и прошлым. Ксоврели посчитает эти речи чем-то смехотворно категоричным, мимолетными порывами и сильно ошибется.

Вот и сейчас ему, похудевшему и сохшемуся, даже не придет в голову, что бывший ученик намерен уехать навсегда. Разве такое возможно? Зачем? Учителю-то (наоборот – сбежавшему оттуда) нельзя не поверить! Там еще меньше жизни, уж мне, выросшему в Столице, кое-что известно. Зловещий круговорот: с каждым днем все больше людей будут сбегать в загородные поселки, а тем временем провинциалы с еще бóльшим воодушевлением устремятся к сияющим в темноте столичным вывескам, словно мотыльки на приманку огня. А потом им придется вернуться, как многим другим до тебя, так же бездарно растерявшим целые годы в поисках туманного счастья. Ученик спросит: а не уехавшие счастливы? Ксоврели запнется и не найдет что ответить. Как будто в его глазах застынет внезапное, обреченное понимание того, что опыт непередаваем.

Но вдруг Петр заметит, что он на кладбище, у надгробия любимого преподавателя. Почему-то здесь. Откуда же раздастся это неожиданное «Здравствуй, Петя»? Тоже из его воображения? Тоже из памяти? Он вслушается в нелепый ритм эпитафии, всмотрится в неузнаваемый прищур на истертой фотографии (как страшна эта традиция – снимки на могилах), задумается о распавшемся в пыль теле, лежащем под плитой на глубине двух метров, об этом вымышленном, несостоявшемся разговоре с давно умершим. Ему захочется укрыть могилу страницами, вырванными из учебников по литературе и истории.

Но проследуем дальше. Пусть эти мысли останутся недосказанными.

Мы уже почти на месте. Нужно только миновать старуху с черствыми пирожками и дребезжащих мелочью пьяниц. Вот и долгожданные ступени. Да нет же, вдумайтесь! Теперь – лишь перешагнуть через отражение похожей на старое помело елки, через это дрожащее полумертвое дерево, почти растерявшее хвою, но призванное как-то украшать чувства отъезжающих и прибывающих сюда (да-да, наш торопливо-задумчивый герой уже на вокзальной площади). Кстати, ближе к концу декабря вокруг накренившегося ствола снова начнется новогодняя активность – из запасников достанут все эти мерзкие гирлянды, костюмы, подиумы и мегафоны, а из колонок затрещит праздничная музыка. К счастью, мы ее не услышим. А вот и еще одна из немногочисленных достопримечательностей (произнесем это слово за неимением лучшего) неброского городка: всем известная кирпичная арка с часами. Едва ли удастся отыскать тех, кому она незнакома, и все же о часах нужно сказать отдельно.

Дело в том, что циферблатов здесь два: под круглым, заметным издалека внимательный прохожий тут же обнаружит второй, поменьше и, наоборот, вовсе даже квадратный. Первый на фоне простенького-казенного можно даже назвать старинным, но откуда возьмется уверенность в том, что он старше? Кто всерьез рискнет заявить, что циферблаты не одногодки? Однако главная интрига в другом: перед любым решившим свериться с арочными часами встанет неизменная проблема – с какими именно сверяться, по каким обязан жить город? Ведь большой круг покажет одно время, а стрелки крохотного квадрата непременно отстанут или

опередят великана, причем, вполне вероятно, на несколько часов. Ясное дело, скажет какой-нибудь зевака, доверять нужно круглым – тем, что еще издали приметны. Что за наивная поспешность! А вдруг нет? Вдруг именно маленькие – не что иное, как уточнение показаний, передаваемых большими? (Наподобие ребенка, поправляющего ошибки забывчивого деда.) Не зря же они тут! Кстати, кто сможет вспомнить, почему так? А? Только не предлагайте смехотворную версию, что под одними часами должна быть табличка с названием городка, а под вторыми – с надписью «Столица», ну, как принято делать в уважающих себя вокзальных залах или отелях, чтобы упростить для жителей и приезжих способ сверять время со столичным. Ага, еще помечтайте, что со дня на день якобы украденные подписи непременно вернут на места!

Петра, конечно же, раздражат оба циферблата, а разница в их показаниях покажется ничтожно малой на фоне самой механистичности движения стрелок. Слишком многому захочется возразить. Ведь разговору о различии должна предшествовать уверенность в правильности способа измерения, а внутри себя он не обнаружит даже убежденности в том, что время в принципе нужно исчислять, что само это исчисление – не роковая ошибка. Да и посудите сами, откуда возьмется нелепая вера в равномерность движения секунд у того, чье сердце вот-вот выскочит из груди, переполненной чувством «уже не здесь» (нетерпение станет нарастать), всей этой лавой блаженства и ужаса, радости и отчаяния, нет – все-таки радости, да чего угодно, но только не имеющего дела до той нудной комедии, которую упрямо продолжают разыгрывать механические часовые двойники; повторим: откуда? Для того, чье желание уехать окажется будущим, вторгшимся в сегодня – ворвавшимся раньше, чем успеет наступить. Для того, кто движим тем, чего еще нет, – ведь его прошлое внезапно обнаружится как начинающееся из будущего. Для того, кому возможное уже готово заменить реальное, кому эфемерное станет бесконечно дороже прочного. Действительное, настоящее (как и все нагромождения прошлого) – лишь крохотная, ничтожно малая версия допустимого, но, увы, способная заслонить его для невнимательных глаз, как близко поднесенная к зрачку пивная пробка, загораживающая солнце. Он опять задумается о бесконечности, открывающей саму вероятность свершения событий, которые, скорее всего, никогда и не соберутся произойти.

Нет же, бойтесь реального, оно – ложь. Оно – лишь эффект возможного, без которого исчезнет даже повод для разговора о нем. Нереализуемое всегда будет включать выполнимое, и оно куда реальнее, только это реальность совсем другого порядка; осуществленное – лишь его нелепая, неизменно негодная копия. Но прохожие, конечно, не станут оборачиваться на этот юродивый зов, они будут все так же комично семенить, как герои немого кинофильма, впрочем, останови любого из них и справься о том, который час, так каждый с уверенностью что-нибудь ответит, а если и ошибется, то совсем чуточку, для надежности даже взглянет на наручные часы (Петр никогда не нарушит клятву не носить их) и с радостью даст ответ сумасбродному чудаку, не удосуживающемуся следить за временем. Что, простите? Следить за временем? Кто-то еще способен понимать смысл этого выражения? Определять, наверстывать, терять – очевидно, и эти слова не подойдут. Впрочем, точно такая же смехотворность – все эти формулы вроде «Подумай о грядущем», «Строй свое будущее уже сейчас». Такое сгодится разве что для рекламных и политических лозунгов. Но они будут спешить, эти ненужные слова, им надо куда-то успеть до конца дня, они забудут, что вполне достаточно и часа, чтобы несколько раз пересечь по диагонали алфавитный городок, нет – об этом нельзя задумываться, ибо тогда вся скапливавшаяся годами история превратится в бессмысленный пролог невесть к чему. А этого нельзя допустить, ведь тогда утратится основание, начнется хаос. Пусть уж лучше новые страницы новых дней будут подшиваться к пожелтелому архиву, укладываться на пыльные полки, с которых их уже никто никогда не достанет, пусть кипы макулатуры разрастутся еще больше, пусть они назовутся историей, культурой, цивилизацией. Пусть лучше все станет близиться к финалу, и, хотя финал будет то и дело откладываться, пусть лучше так, чем остаться наедине со страшным, скрипящим откровением. Нет, они не станут слушать, побегут

еще быстрее, будут нестись сломя голову, словно стремительно соскальзывающие с циферблата знаки, пока наконец не оступятся, запыхавшись, и не упадут с разбегу в отверстую могилу – ведь для них даже эта яма всегда приготовлена заранее. Часы навсегда останутся способом сбежать от грядущего, воспринимаемого как враг, как угроза.

Для размышлений о будущем здесь лучше всего подойдет жанр завещания. Да, не начавшиеся дни станут ощущаться как завершенные еще до того, как взойдет солнце. Они заранее будут включены в архив. Поэтому долгое, слишком усталое, невыносимо бесконечное время так часто будет поражать своей краткостью, летучестью, какой-то даже скупостью, и, весьма вероятно, в последний момент кто-то все-таки примется растягивать дление (опрометчиво путая время и срок), до тех пор пока наконец разъяренный грохот курантов не оглушит его, с неминуемой строгостью утвердив еще один (далеко не последний – к ужасному счастью, далеко не последний) раз этот абсурдный, никого не устраивающий и потому неотменимый регламент.

Нет, эта действительность слишком недостоверна, слишком ненадежна. Попробуйте почувствовать обман марширующих минут, лживость указания на нехватку времени. Помните, каким время способно предстать во сне, эту его незабываемую способность растягиваться и убыстряться. Все наоборот: времени мучительно много, здесь перед нами – все время сразу, его некуда деть, и только поэтому всегда будет казаться, что его недостаточно. Но для чего оно, это время? Что делать с ним? Нет, никогда больше не удастся водить нашего героя за нос, отвлекая внимание нелепыми отличиями в положении стрелок, его скачущее бытие не удастся раздробить на размеренные отрезки. А вдруг считать время – лучший способ промахнуться мимо него? Ведь это так же нелепо, как попытаться линейкой измерить скуку или веселье! Да о чем он? Всего этого уже нет, больше никто не сможет помешать ему войти в вагон и навсегда унести от заржавелых, дребезжащих скукой часовых механизмов! И все же – какой ирреальный, сумеречный, осенний миг в самый разгар жаркого утра.

Ой, но что это за свист?

Неужели поезд сейчас отъедет от перрона, на который наш обычно опережающий сам себя герой на этот раз только намерен подняться?! Какая непростительная беспечность! Неужели в предвкушении покачивания состава, который, словно огромная колыбель, должен погрузить его в блаженное забытие, и стука колес, способного заглушить пустые разговоры, в предотъездном томлении и эйфории выяснится, что его время не способно совпасть не только с двоящимися городскими часами, но даже с вокзальным расписанием? Видимо, дело в том, что станция тоже окажется подчинена мертвому ритму этого проклятого города... Да, нужно признать: поезд вот-вот, через считанные секунды отправится! Унесется по убегающим под гору рельсовым полоскам! Могучее электрическое дыхание с каждым мигмом начнет все сильнее учащаться, пока не превратится во всепоглощающий ветер. Его грохот заглушит даже всепроникающее тиканье часов. Но что же наш Петр?! Ведь резкий машинный сип прервет его мысли, сумеет отвлечь от философствования под пыльной акацией? К счастью, да! Однако успеет или нет?! Ах, во всяком случае он не посмеет сдать. Понесется к перрону, не обращая внимания на сверкания разлетающихся в разные стороны ос, на их жужжащий визг. В его кармане – спасительный, счастливый билет. Ах, сколь волнительная минута! Его сердце застучит еще сильнее, напоминая теннисный мячик, закрытый в коробку для обуви, сотрясающуюся в руках пятилетнего шалуна, увлеченного внезапной игрой (да, здесь потребуются самые неожиданные сравнения).

Быстрый взгляд на какую-то записку, прилепленную изнутри окошечка вокзальной кассы (обычная ерунда: «Буду через десять минут» или «Извините, технический перерыв»), лишь подтвердит благоразумность заблаговременной покупки билета. Да, последний пассажир влетит в первый вагон! Литавры застучавших колес! Покажется, что каждый из провожающих на станции намерен помахать панамкой именно ему. Лишь укоряющая гримаса толстухи-провод-

ницы напомнит о миновавшей опасности. Прямо на стене тамбура Петр внезапно разглядит неуместное, криво приклеенное объявление. Кстати, не сама ли работница железнодорожных служб решит подзаработать таким нехитрым способом? «Продам босоножки на платформе. Каблук 10 см (с учетом платформы)». Дважды повторенное слово вызовет у запыхавшегося путешественника ассоциации с вокзальным перроном. Впрочем, минута будет архинеподходящей для текстологии. Петр, еще сильнее переполненный кипучим весельем (заметим, не так уж сильно передающимся его традиционно мрачному внешнему облику – какая недюжинная, яркая сдержанность!), мигом пробежит через весь состав. Радость – чувство, едва не вымершее в нем, – снова рассыплется целой пургой искр. Странное ликование – посвященное тому, что ничего еще нет, что все вот-вот распахнет. Минуту спальные вагоны, купе и ресторан, он мигом доберется до затхлого плацкарта, затем, пригибаясь под свешивающимися пятками и локтями, по стертых циферкам отыщет свой закуток и, не растеряв ни крупинки счастья, заберется на верхнюю полку.

В этот момент наверняка хлынет ливень. Почти расплавленные жарой домишки как будто распрямят спины. Дождь смое с перрона всех – прохожих, собак, птиц, неприметные, и так почти уже стертые белые полосы, тянущиеся вдоль края платформы, заколачивая нескончаемые блестящие гвозди в горбатые крыши, порыжелые лавки, всевозможные коробки, тележки и тумбы; задрезжит по сухим кленовым листьям, по сколотым ступеням, по старому шиферу, по шербатым кирпичам. Дождливые причмокивания станут растекаться по перрону. Насквозь промокшие люди примутся спасаться от водопада – кто под ближайшими навесами, кто под загодя припасенными зонтами, кто под капюшонами откуда-то взявшихся ветровок; найдутся даже те, что попытаются уберечься, натянув на головы пестрые полиэтиленовые пакеты. Крупные капли станут скатываться им за шиворот, заставляя съежиться или, наоборот, неестественно выпрямиться. Не повезет хозяйкам, потратившим утро на развешивание белья; торговкам, разложившим на лотках пирожки и газеты; горе-рабочим, замешавшим в корытах цементный раствор. Внезапно как-то даже жалко станет всех их, скользящих по размякшей от дождя глине, бестолково разбегающихся кто куда (насекомые в этих ситуациях куда сметливее и проворнее людей). Тяжелые беспощадные капли еще сильнее застучат по крыше вагона, по прожаренному солнцем бетону, по рельефной глине, смоют в канавы все сплюснутые окурки, фантики, пробки, рекламные листовки, смятые объявления – все это месиво, словно грязное конфетти усеявшее перрон; сверкающая вода начнет собираться в ямах, пузыриться в обшарпанных урнах, ею наполнятся даже морщины смятого жестяного листа, невесть кем брошенного прямо посреди платформы, все рытвины и выбоины превратятся в несчастные, разинутые, захлебнувшиеся и одновременно ненасытные рты.

Все соскользнет в кипящую прозрачность. Хрустящие косохлесты размоют хулиганские лозунги и непристойные гербы, начертанные на заборах. Сверкнут окна пристанционного домика. Подует холодный, почти октябрьский, удушливо-сырой ветер, отчего бесцветные, волглые ленты еще сильнее начнут пульсировать в воздухе, рваться на мелкие клочки и снова собираться в незримую белизну флагов, словно принадлежащих наголову разбитым полкам сухмени, запоздало умоляющим о пощаде. Порыв ветра сорвет серую шляпу с головы последнего прохожего. Нерасторопный старичок попытается словить ее за смятую тулью вытянутыми худыми ручонками, и, возможно, ему это удастся, но только узнать этого мы не успеем, потому что поезд уже оторвется от перрона и въедет в прозрачный дождевой туннель (бьющаяся на ветру ветка, конечно же, загородит от нас табличку с названием станции). Неужели детство, отрочество, его университеты, вся эта гнетущая вежа – навсегда позади? Воспользуемся возможностью и всмотримся наконец в лицо нашего героя. Как охарактеризовать этот его застывший взгляд – растерянный, печальный, тревожный?

Все подернется мелкой дрожью, озябнет, словно почувствовав наконец неминуемое отступление лета. За вздрагивающими на стекле потоками начнут блекнуть знакомые, слиш-

ком знакомые предметы. Каждая капля превратится в крохотный мениск, кривое зеркальце, в котором запляшут уменьшающиеся прохожие, закачаются тонкие колоски их тел, ливень смое с них лица. Пучки косых линий в водянистом тумане, наползающие друг на друга по невидимым лестницам. Их незаметность, их полусвечение. Нагромождения расплывчатых водоворотов. А там, за дрожащими изгибами, – дорога, падающие тучи, очертания деревьев (они тоже будут покачиваться, как колосья), крохотные ветхие домики, взявшиеся мхом подкрылья кровель, обелиск колокольни, словно спичка, пробующая чиркнуть о небо, неясные пятна, канавы, лужи, тропинки, утрачивающие свои привычно-прочные значения, отделенные от него частоколом дождя. Вспаханное стекло, мерцающее неровными отражениями, превратит предметы в ползущие овалы капель. В синеватом тумане они уже почти перестанут существовать, побледнеют, остынут, покроются патиной, померкнут, почти откажутся от жизни. Вода будет переливаться через поля шляп, заструится по щекам, дождь (если только это будет дождь, а не что-то другое – например, забвение) сотрет лица, превратит их в безмянные камни. Все станет сереть, тускнеть, размываться, как взгляд близорукого человека, с которого кто-то сорвал очки. А он с удивительным, завораживающим безразличием продолжит смотреть, как растворяются в желтоватых сумерках последние кусочки привычной жизни. Пока исчезающий, размываемый чернеющим дождем город наконец не превратится в ничтожное невидимое пятно, и эта маленькая точка станет указывать на прошлое не больше, чем складка в уголке рта способна напомнить скраденную с лица улыбку. Если кто-то еще соберется улыбнуться, конечно.

Эпизод четвертый, назовем его «Путь»

Наконец он обратит внимание на то, что его вояж никоим образом нельзя назвать странствием одинокого путника. Хуже того, в суматохе расставания с опостылевшей юностью он обнаружит несоблюденными даже те наименьшие нюансы этикета, о которых возможно заводить речь в железнодорожном общезитии. Внезапно Петр осознает, что несуществование попутчиков до чрезвычайности мнимо, а сбившиеся в кучу людские фигуры, смешливо перешептываясь, все явственнее намерены отдалиться от всякой сдержанности в беззастенчивом разглядывании его особы. Да, на него вытаращатся восемь (это как минимум!) пар ехидных глаз. С трудом сдерживающие хохот пассажиры, отложив в сторону игральные карты и беляши, застанут его в, прямо скажем, нелепом положении, ведь он покажется им кем-то вроде барахтающегося в воздухе осьминога. О, не сомневайтесь, тут будет на что посмотреть: эксцентричный ротозей застынет прямо над макушками изумленных зрителей, словно акробат под куполом цирка. Свесив с верхней полки голову и гротескно вытянув шею, держась одной рукой за скрипучий, угрожающий выпрыгнуть из петель поручень, а вторую употребив на неуклюжие попытки приоткрыть заколоченную крепкими гвоздями оконную створку, этот недотепа будет упорно рассматривать что-то в непроглядной мути за грязным, густо запотевшим стеклом. Среди собравшейся публики не найдется психоаналитиков, и потому, конечно, никто не догадается, что в этих разводах ему померещатся последние капли детства.

Когда же придурковатый обитатель левой верхней полки наконец увидит внезапных спутников (ошеломленные взгляды, повторим, все как один будут направлены в его сторону), запоздалое приветствие окажется не совсем уместным в силу чрезмерной неловкости ситуации, а от вперившихся взглядов ощутимо начнет исходить не насмешка, а нарастающее раздражение и таинственная угроза. К тому же слово «здравствуйте» будет произнесено им так тихо, что мало кто поручится за понимание смысла сказанного. Кое-кому даже послышится не слишком учтивое слово «красное», высказанное наглым молодчиком не иначе как по поводу цвета одного из окружающих лиц. Но что же будет теперь? Внезапные люди в белых майках, спортивных кофтах и домашних (хорошо хоть не больничных) халатах. Навязчивая галлюцинация? Бог мой, но почему их так много? Откуда они здесь?

Что ж, можно предложить несколько версий. Рассмотрим их.

Итак. Во-первых, допустим, что это пассажиры из соседних закутков, решившие навестить своих родственников, друзей, сослуживцев, случайных знакомых (тем из вас, кто все еще не в состоянии определить место действия, сообщим, что речь о плацкартном вагоне); во-вторых, вполне объяснимой причиной чудовищного столпотворения вполне способна оказаться пресловутая карточная игра, так успешно выветривающая железнодорожную скуку; в-третьих, нельзя не учесть вероятности простого стечения обстоятельств (лиц, выглянувших из-за перегородки; людей, что пройдут мимо и пожелают понять, что именно в пустоте за окном способно породить столь неистовое влечение; пассажиров, за неимением свободных мест облюбовавших третьи – багажные – полки и таращащих оттуда глаза, короче говоря в прямом, а не только в переносном смысле смотрящих на Петра сверху вниз; соседей, привлеченных демонстративным невниманием новичка к просьбе проводника показать билеты). Но довольно гаданий, остановимся на существенных вещах.

Действительно, проводник.

Наконец и Петр выделит его поблескивающие золотистыми молоточками погоны из общей массы помятых футболок и старых свитеров. Кто-то даже посоветует работнику железнодорожных служб вооружиться стремянкой, чтобы снять с потолка этого мудака, прикидывающегося люстрой. Но едва ли вагоновожатый (стерпим не совсем уместный синоним, дик-

туемый чурающимися тавтологии стилистическими законами) примет во внимание просьбу, уже сам его исполинский рост окажется немим укором для посмеявшегося предложить подобную нелепицу. Однако Петр в силу упомянутых выше обстоятельств не сразу приметит усатого верзилу, строго возвышающегося над скопищем сгорбленных серо-коричневых фигур, словно патриций над плебеями. Как можно будет не заметить этого заслоняющего свет великана? – спросите вы. Право, перестаньте уже удивляться нраву нашего героя! Хотя признаемся, мы не намерены слишком сильно заботиться о сюжетной убедительности. Главное, что выход из тупика непременно найдется.

Петр соберется с силами, поправит очки (вот это да! забыть столь обязательную деталь его внешности?! непростительная халатность!), протяжно кашляет и, рассеянно произнеся: ах, ну конечно, билет, – достанет из внутреннего кармана розоватую бумажку и протянет ее должговязому дядьке. Ладно, порядок, отдыхай! – выполнив свои нехитрые обязанности, напутствует его железнодорожный труженик и, разыгрывая заправского балагура, погрузится обратно в свои унижительные, если уж говорить начистоту, простынно-подстаканные хлопоты, порядком уменьшитесь в росте, съежится в своей жалкой комнатушке напротив грязной раковины, спрятав под нее потертые котурны. Понемногу уляжется и всеобщее треволение. Петр, взглянув на рассыпанную по полу рыжеватую скорлупу, всем своим видом покажет, что произошедшее не напомним и выеденного яйца – словно речь не об анекдотически-клоунском зависании в воздухе, а о выроненной авторучке, излишне громком чиханье, криво застегнутых пуговицах или ином подобного рода пустяке. Тогда попугачики вновь примутся за свои постылые занятия: поедание сарделек, раскупоривание пивных бутылок (наверняка о края приоконного столика – тайком от проводника), разгадывание кроссвордов, болтовню, карточные игры; вариантов вполне достаточно.

Обрисую этих бедолаг.

Две лахудры: одна в ярком халате с подсолнухами, другая – в кургузом спортивном костюме. У них боковые места, но для удобства игры в карты подружки пересядут в четырехместный отсек, оставив на столике полусвернутую газетку с остатками перекуса – ливерной колбасой, разломанной надвое воблой, засаленными конфетками или иными железнодорожными лакомствами, которые вы и сами без труда сможете представить. Обмахиваясь замызганными карточными веерами, они будут безуспешно притворяться кокетками (этому амплу помешает не только смазанный макияж, но и излишняя тучность). Рядом – их компаньоны по партии в дурака, одновременно с игрой успевающие уплетать бутерброды с салом: три брюхана с испитыми лицами, один из них – владелец верхней полки напротив места Петра, второй – хозяин нижней, где и развернется битва в подкидного, а третий – пассажир из соседней ячейки (на всех мужчинах – обвислые майки и затертые треники; из других примет непременно надо назвать черные пучки волос на груди и под мышками, несдержанно громкий смех и отчаянную тупость). Третьи полки будут примечательны вовсе не изобилием багажа, а храпом каких-то неопознанных, почти мультипликационных персонажей, вернее даже духов или теней, которые после происшествия с проводником сразу предпочтут вернуться в полумрак сна (если кто-то задумает снять кинофильм по нашему роману, то гонорар актеров, исполняющих их роли, должен будет равняться окладу участника массовки). Что до сумок и баулов, часть из них, по-видимому, окажется припрятана хозяевами в сундуках под нижними полками, но кое-что будет стоять под ногами, придавая происходящему атмосферу путешествия «на чемоданах». И, чтобы никого не забыть, скажем несколько слов об обладательнице второй нижней полки – это бесформенная и на вид довольно сварливая старуха, похожая на мешок с орехами (кстати, орехи и взаправду ее слабость, судя по руке, каждую минуту опускаемой в пакет с арахисом). Не принимая участия в карточном состязании, карга, прижавшись к стенке и непрерывно слюнявя обгрызенный карандаш, склонится над расстеленной на столике газетой с кроссвордом (на уже разгаданные его части она будет сваливать стручкообразные скорлупки и шелуху,

время от времени отодвигая их большим пальцем подальше от пустых клеток). Бородавка на складчатом подбородке напомнит крохотный пуфик для втыкания иголок. Едва слышные бормотания старушечки внесут незаменимую лепту в общий смех, брань, чиханье, раздающуюся со всех сторон трепотню, скрипы, порывания, вой и тарыхтение (весь этот сонм звуков, так привычных в плацкартных вагонах).

Рассыпанные фразы будут складываться в неумышленные мотеты, случайно открывая сонную, тыльную сторону речи. Ходи уже, долго ждать-то? По такой жаре умрешь, пока дойдешь!.. Все эти нескончаемые трепыхания. Не говори. Куда там! Странная все-таки погода: кофту наденешь – жарко, а так, гляди, зазнобит. А в такие дни сразу понятно – гроза будет. Тьфу-тьфу-тьфу! Ладно, звякну потом. Ну елки-палки! Ой, не тебе бы говорить да не мне бы слушать. Наши-то получше будут...

Дребезжащие, какие-то жестяные голоса. Они станут, звякая, биться о потолок, стены и стекла, проваливаться в kloкочущую бессмыслицу, пока наконец не смешаются со стуком колес. Всевышний, сколько еще часов смогут они играть в свои взрослые игры? И сколько должно будет пройти времени, пока Петр не стряхнет с себя последнюю соринку едва слышных, но въедающихся под кожу фраз, не забудет их неповторимый юмор? Нет-нет, скорее всего, он быстро свыкнется с безобразной болтовней, теперь уже не вызывающей ничего, кроме глубокого, пожалуй даже нарочитого, стремительно бросающегося в глаза равнодушия. Петр забьется в угол и достанет из сумки один из захваченных томов³.

Итак, чтение.

Станным образом, вопреки многолетнему убеждению, заключающемуся в том, что внимать более чем двадцати-тридцати стихотворениям подряд – дело абсолютно бессмысленное, в его руках окажется поэтический сборник. Впрочем, чему удивляться, когда все происходящее так необычно? Так вот, на этот раз его по-настоящему захватит то, что можно условно определить как грамматику футуризма, – нечто, как покажется ему, толком не отрефлексированное самими поэтами, стихийно проявившееся лишь в некоторых стихах или даже строках и по какой-то необъяснимой случайности оставшееся не замеченным большинством читателей, если не всеми без исключения. Он подумает, что лишь эти фразы и должны быть названы футуризмом, а все остальное – его преддверием, кануном, прологом, репетицией. Или даже не футуризмом, а самой литературой? Но почему тогда словесность никак не решится сделать этот шаг? Потому что тогда вся история письма превратится в иллюзию начала? Нет-нет, не станем торопиться, даже нашему непримиримому бунтарю эти заявления покажутся слишком категоричными. Пока – просто читать, не требуйте ничего большего.

Эй, раскаччивай. И-ювь (свист в четыре пальца). В песнях пьяных без вина. Разгадайте смысл чудесный. Нам ли юность не дана. Вы, развалившиеся, разветресь! Тлейте мхами! Расплещутся долгие стены. Я стану тяжелым и темным. И не догадаюсь, зачем в густеющем воздухе резче над садом очертится шлем. Буду дик я дважды. Бейте в площади бунтов топот! Мы спустимся просто на грезном веере на брошенный нами кусочек жалости. Ты скоро выйдешь

³ Тут необходимо поясниться. Признаем совершенную выше ошибку. Путешествие без книг лишит нас всякой возможности найти Петру какое-либо занятие на время этой поездки. И хотя мы совсем не в восторге от выстраивающегося здесь довольно-таки топорного противопоставления аристократичного (на свой лад) юноши и глупых простолудинов, кроме чтения, увы, здесь ничто явно не придет на выручку. Помилуйте, не сажать же его за игру в карты! Это будет равносильно тому, чтобы посадить в лужу. Поэтому, пока не поздно, поправимся: в последний момент он все-таки захватит из своей домашней библиотеки несколько попавшихся под руку изданий. Простите за эту оплошность, но попробуем отыскать в ней определенную пользу: как знать, вдруг этими извилистыми тропами мы мало-помалу приблизимся к противоречивому внутреннему миру героя? Конечно, не настолько, чтобы отождествлять себя с ним (скорее осознаем вопиющую наивность этого занятия), и все же мы вот-вот привыкнем к нему, понадобится лишь толика терпения. Да, наши неловкие попытки подступиться к его нутру постепенно обретут уверенность! Оригинальный характер, претерпев множество испытаний, выкристаллизуется на изнанке нашей памяти! Мы начнем узнавать его походку даже в сумерках, даже в самых многолюдных местах! И все же, надо думать, еще не раз испытаем удивление при встрече с ним. Не так-то легко вырваться из силков разрастающейся сноски, но соберем волю в кулак, пресечем пустое многословие и вернемся к основному тексту.

замуж, меня ж – к мокрицам, где костоломный осьмизуб настезь прошелкнет. И если жесток перекресток двух белых, двух тихих дорог, я буду стоять, как подросток, который от горя продрог. Когда часы лукаво спелые свой завершат живой прилив.

Минутная стрелка четыре раза обернется вокруг циферблата. Как поезд на кольцевой линии. Как бегун на длинные дистанции, упорно огибающий окружность огромного стадиона. Как Земля, вращающаяся вокруг Солнца. Как Луна, вращающаяся вокруг Земли. Как мотылек, кружащий вокруг пламени. Хватит блистающих метафор. Петр устанет от книги и спрыгнет со своей полки. К его удивлению, никто из попутчиков не переменит занятий (впрочем, непрерывное чтение странного молчуна к этому моменту станет новым источником изумления окружающих и вызовет не одну серию насмешливых перемигиваний и подтрунивающих шептаний). Гляди, гляди да смотри глаза не прогляди, – пережевывая отварную картофелину, обронит (понятное дело, не размятое зубами земляное яблоко, а упомянутую несколькими строками выше поговорку) одна из участниц дурацкого турнира, обращаясь не то к себе, не то к Петру, не то к партнерам, не то к престарелой кроссвордистке, не то ко всем сразу (неужели и к проводнику? – спросите вы, но мы галантно уклонимся от ответа; сказать правду, сейчас не время для подобных не слишком учтивых вопросов). Не говоря никому ни слова, наш герой направится в вагон-ресторан. Книга, а в ней кукиш да фига, – то ли послышится ему вслед еще одна незамысловатая мудрость, то ли беззвучно всплывет гаденьким смешком откуда-то из дремучих глубин оцепенения.

На этот раз путь сквозь состав окажется почти бесконечным. Ему некуда будет торопиться, и к тому же прокуренный тамбур представится весенней свежестью в сравнении с жарким, тяжелым воздухом плацкарта. Он простоит какое-то время в надтреснутой тишине, не обращая никакого внимания на загаженный окурками пол и мелькающие за решетчатым стеклом тени. Скорее всего, закроет глаза. Потом люди в соседнем вагоне будут, цедя припасенную в серых термосах похлебку (что-то среднее между бульоном и компотом), беседовать о футболе (этой странной игре, в которой подавляющему большинству игроков не дай бог коснуться мяча руками); еще, конечно, о еде (подсолнечном масле, рисе, печени, макаронах, гречке, манке, грибах, маринованных огурцах, сыре, твороге, сметане, маргарине, паштете, тушеной свинине, ветчине, крабовых палочках, сгущенке, яблоках, вареной кукурузе, сливах, сухариках, леденцах, мармеладе, пастиле, джемах, снова о грибах и подсолнечном масле, которое, как известно, выгоднее покупать в пятилитровых баклагах); а также о болезнях и телевидении, будут беседовать, переговариваться, судачить обо всем этом и еще о чем-нибудь, разбавляя разговоры чтением иллюстрированных журналов и игрой в домино (попробуйте потолковать час-другой на подобные темы – это не так просто, здесь нужно обладать особым призванием). Иные станут рыться в своих пожитках или сидеть в полусне, скрестив руки на животе, вращая пальцами, мяля что-то или просто шевеля сухими губами. Склоняясь под мешающими пройти ногами, свешенными с верхних полок (эти вечные чулки и носки с назревающей прозрачностью на пятках), перешагивая через выставленные в проход ботинки, он доберется до первых купе.

Все, что он успеет разглядеть за вереницей окон, – это ржавые рельсы соседнего пути, по которым уже через мгновение издевательски загрохочет возвращающийся из будущего товарный состав, ударив в испарину стекла шквальным ветром. Пронесется так близко, что покажется, будто до него можно достать рукой, прикоснуться к бордово-коричневым бортам кузовов, к округлым бакам цистерн, к ржавым стенкам – как к размытому изображению на неудачном фото. Или же состав и вовсе не станет распадаться на вагоны, а просто закроет сквозной широкой полосой всю скважину окна. Свистящий звук пролетит прямо сквозь ладонь, как холодная спица. Тем временем вокруг с новой силой начнут колыхаться речевые лохмотья. Скоро остановят, возьми яблок там, пирожков. Да, ладненько. Открывая дверь в следующий тамбур, он услышит обрывок разговора проводниц. Или еще мрази: развернут наволочку, но ни хера не воспользуются; вот так: как с говном с нами. Потом опять

телефонный полуразговор. А за железной дверью кто-то снова будет кашлять сгустками дыма. Короткие остановки, повторяющиеся, словно записанные на магнитофон, крики торговцев, возобновление шума и тряски. И снова вялые беседы, перетасовывающие новые и новые банальности. Между вагонами, в сдавленном гармошкой пространстве, на ненадежном призрачном понтоне, где промеж сцепок видны засыпанные гравием, мусором и туалетными отходами шпалы, дрожание кривого подиума передастся всему телу. Настойчивый ритм лязга сцеплений в обязательном остигато начнет сливаться со стуком колес на стыках рельсов. Странно – как назвать этот короткий, но способный растянуться до бесконечности отрезок, ознаменовывающий железнодорожное перемещение из одного населенного пункта в другой? Нет, слово «жизнь» тут не подойдет, нужно какое-то другое.

На его удачу, в ресторане будет мало посетителей. Да, давайте вот такое мясо, с майонезным соусом (мрачная официантка примет чей-то заказ), это мой любимый соус (реплика, обращенная к собеседникам). Петр сядет за свободный стол, стряхнув с шершавой поверхности крошки от печенья, и просидит здесь еще несколько часов, наконец получив возможность всмотреться в струящийся за окном мир – оком знакомой, сформировавшей его жизни. Тянущиеся пейзажи, нарисованные неторопливым временем, всхолмья, болота и изыскаемые пустоши, красно-бурая глина, искореженные бараки, слабый дым из тонких труб, пучки гниющей травы, копошащиеся в пажитной грязи вороны, снова кривые каркасы с брезентовыми крышами, все эти бесформенные приземистые лачуги, грузовики, ползущие по петляющим дорогам в клочьях черного дыма, перегоняющие их мотоциклы, переезды, на которых все они вынуждены останавливаться перед закрывающимися шлагбаумами, словно чернь перед царским кортежем. На безвестном садовом участке без малейшего намека на сад, владении, почему-то расположенном в самой низине, в непролазной грязи, среди канав и круглогодичных паводков, какие-то люди будут вытаскивать из бездонного багажника крохотной машины свитки черного рубероида, переносить их поближе к неказистой халупе, в центр похожей на небольшой пруд лужи. Должно быть, в эти темные свертки они в скором времени станут заворачивать свои израненные, предуготовленные к исчезновению тела. Каждый – свое. Израненные, сгибающиеся под тяжестью ливня, окунающие головы в его дым. Молча, в неведомом пронзительном ритуале. На краю черного пространства. Превратятся в младенцев, заснувших в разверстых ладонях вывороченной земли. Словно вырезанные из бумаги, слегка обгрызенные темнотой силуэты. На фоне рыже-алых краев исчезающего неба. Как ростки, утопающие в черной слизи. Несмолкающий монотонный шум будет перебиваться лишь позвякиванием ложечки о края очередного стакана с чаем. Меню не предложит ничего любопытного, и все же за облезлым столом захочется просидеть подольше. В конце концов лесистые пейзажи за окном свернутся, как потрескавшийся рубероид, расцветет ночь, природа превратится в бесконечный туннель, а стекло покажется вошным опасным зеркалом. Неприметные, но осязаемые волны темноты начнут плескаться за ним, их рокот будет смешиваться со стуком колес и убаюкивать мир своим необозримо-безумным мотивом. Лишь иногда – случайные всплески света, блики размытых фонарей и фар, заслоняемые пляшущими тенями столбов, заборов, деревьев, вспышки оранжевых жилетов в прорехах между ветками. В на мгновение рассеявшейся темноте.

Только теперь он обратит внимание на лежащую у края стола, меж округлых винных следов, вероятно забытую кем-то газету объявлений. Зачем-то листая помятые страницы, наш герой снова задумается о том, насколько странен, насколько недооценен этот лаконичный жанр, который невозможно спутать ни с одним другим. Идиотские полуафоризмы, столь похожие и столь разные, станут разворачиваться в причудливые циклы. Суровые, информативные, раскрывающие самые причудливые потребности: «Куплю культиватор с прицепом», «Продам стальные вешалки повышенной прочности, 15 шт. Цвета – розовый (10 шт.) и хаки (5 шт.)», «Куплю чехол для саперной лопатки и компенсатор плавучести». Более человеческие, с налетом сентиментальности, словно написанные несовершеннолетними: «Живые, настоящие рыбки.

Красивые, пестрые, разноцветные (гуппи, меченосцы, неоны). Отдам в хорошие руки (меченосцы – в отдельном круглом аквариуме)». Не лишённые дидактики: «Продам недорого детские раскраски (почти новые, торг). Присматривайтесь к своему ребёнку, развивайте в нём творческое начало, занимайтесь вместе с ним и радуйтесь новым успехам!», «Продам двухлетний архив журнала „Комфорт“ и книгу „Домашнее консервирование“. Не звонить после 22 часов». Заоблачно гротескные, сопровождаемые фотографиями: «Вот какая красавица Плюша! Отдадим добрым хозяевам! Вы только посмотрите на эти пухленькие щечки, только взгляните на нежнейшую бархатистую шерстку! А характер? – спросите вы. Абсолютно добродушная, очень ласковая и нежная девочка, к лоточку и когтеточке приучена! Ваша мечта – стать хозяевами такого чуда? Тогда не теряйте времени, звоните и приезжайте на смотрины!»

Должно будет пройти какое-то время, прежде чем глаза Петра заскучнеют и он наконец почувствует, что на данном этапе прочитанного вполне достаточно для погружения в загадочный жанр. К этому моменту гогочущая за соседним столиком шпана опустошит вторую бутылку крепкого напитка, разговоры об автомобильных шинах и футболе будут все чаще сбиваться на выражения столь непристойные, что вряд ли их стерпит бумага (и столь же скабрёзные жесты). А сидящий с краю молодой человек в спортивном костюме и кепке с надписью «Динамо»⁴, отвлекшись от любопытного рассказа приятеля, воспевающего величину бюста своей возлюбленной, начнет посматривать на Петра с какой-то чрезмерно рьяной, не слишком обнадеживающей улыбкой. Как только они соберутся покинуть ресторан, спортсмен, не прекращая выковыривать ногтем мизинца (запомнится колечко из сушки, нанизанное на палец) застрявшие в зубах волокна мяса, внезапно обратится к Петру с несколько провокативным вопросом: «Где здесь выход – направо или налево?» Наш герой, не слишком расположенный к общению, укажет в нужную сторону; гопник шмыгнет носом, кивнет и, поддерживаемый товарищами, будет направлен к выходу под аккомпанемент их звучного смеха (*puanse forte*). Отражения пошатывающихся тел на несколько мгновений задержатся в одном из стекол. Так Петру посчастливится избежать неприятностей, связанных с рукоприкладством (нетрудно догадаться, что, несмотря на существенную разницу в равновесии, исходы подобных схваток не всегда готовы складываться в его пользу; неловко признавать это, но наш герой немного стухнет).

Внезапно он впервые за все путешествие вспомнит о телефоне, этом средстве письма, отнюдь не речи, и, быстро осознав, что связи недостаточно для проверки почты и сообщений, начнет бессмысленно перелистывать старые послания, подумает, что уже завтра впервые увидится с той, кому адресованы все эти письма. С каждой мыслью о ней незнакомка будет представляться все более обворожительной. Но пока придется довольствоваться перечитыванием. Почти не сговариваясь, они выберут карикатурно-выспренний стиль, который станет чем-то вроде понятного только им двоим кода.

– Моя несравненная берегиня, правда ли, что в ваших краях люди вот-вот разучатся ходить, что они почти готовы летать, как птицы? Или это пустые толки?

– Отчего же? Именно так и будет!

– Но что же тогда станет с электрическими трамваями, постукиваниями тросточек по мостовой, шуршащими велосипедными променадками – всеми этими приметами большого города? Да и в полете ведь совершенно неудобно приподнимать в приветственном жесте шляпу – она того и гляди выпрыгнет из руки.

– Ах, сударь, перестаньте же рассуждать как ретроград. Ко всему этому быстро привыкнут, как когда-то к скрипу бричек или якобы непрактичным лорнетам.

⁴ Про такого персонажа уместно сказать: не думающий о завтрашнем дне, умеющий беззаботно наслаждаться сиюминутностью.

– И все же я не готов к столь решительным новшествам, особенно по причине нежелания отказываться от конных прогулок, ведь, насколько я способен понять, в воздухе они окажутся невозможны. Пусть и взлететь, но превратиться в пешего – нет, к этому я пока не готов. Но соглашусь, все это не так важно в сравнении с тем, что уже через несколько дней я разгляжу мягкую улыбку под вашей вуалью.

– Я приду на первое свидание в маскарадной маске.

– Готов повиноваться, но только если это будет маска-лорнет!

– Подумаю.

– Лучше вслушайтесь в ветер. Ведь он у вас тот же, что и здесь?

– Он станет таким же только через день.

– Так вслушайтесь завтра, послезавтра.

– Непременно!

– Ах, вам наверняка помешает клацанье шпор.

– Странно, как речь способна отражать улыбку? Я едва ли смогу удержаться от того, чтобы прикоснуться губами к буквам.

– Вы будете измерять температуру письма?!

– Почему бы и нет? Но скажите, можно ли передавать мысли немотствованием?

– Конечно, и не только мысли, но и темноту, бледность, дыхание и еще уйму всего.

Как знать, возможно, позже мы прочтем еще несколько писем. Но сейчас пора вернуться в вагон-ресторан. Дело в том, что, на миг подняв голову, Петр обнаружит подсевшего за его столик гостя. Грузный мужик лет пятидесяти – без маски-лорнета, но с кустистыми бровями и широкими подглазными мешками, наотрез отказавшись от просьбы официантки просмотреть меню, без ненужных предисловий затянет (не)предсказуемый монолог (вероятно, приняв случайно поднятые глаза соседа по столу за приглашение на сцену). Почти без остановок, словно невыключенное радио. Прерываясь лишь на мгновения затычек (вы легко сможете представить размятую толстыми пальцами папироску, прячущуюся в усах). Любитель покалякать, не иначе.

– Да, теперь все с телефонами. Вот и мой Петруха тоже. Хлебом не корми, а дай в экранчик поглазеть. А это ведь так просто не пройдет. Нет, я запрещать не стану, это не про меня, да и поздно уже. Но вот что любопытно: он с каждой минутой столько новостей получить намерен, что не очень-то ясно, как они в голове-то его прямоугольной уместятся. Вот не дурак ли? Башка, она ж как шкаф: ну три тулупа туда впихнуть можно, ну десять, ну шубу еще, но всю-то меховую фабрику не вкрячишь же. Да и зачем? А заглянешь в этот экранчик, так там все туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда! Туда-сюда! Успевай моргать только. Черт его поймет, Петруху.

Икнув, продолжит:

– С другой стороны, возможно, оно и хорошо, что пялится, вдруг хоть чем-то заинтересуется. Все отложится, все подойдет к чему-то. Терпенье и труд все переберут. По кирпичику, глядишь, домик и сложится. То, что мы не поймем, надо думать, вы разгадаете. А? Судьба – такая ведь штукавина: чему быть, тому не миновать, полетим мы ей навстречу, станем пригораживать к ней шалашики наши, на ее земельке существовать, в любом из углов наша воля забиться – уж где кому вздумается, каждый сам вроде как решит, но куда забредешь, куда попадешь – все равно все тут наперед известно, ей – не тебе, так-то, братишка. В общем, поменьше говори, побольше услышишь. Так что уж пусть пойдет все своим чередом, по заведенному порядку, как часы тикающие, в механизм их лучше не суйся – перемелет в пыль тебя, дурака, и оглянуться не успеешь. А если вырвешься из железных лап да побежишь, словно петух оципаный, так уж радуйся пощаде, что так, а не иначе все. И механизм тут винить смысла нет ни малейшего, так или не так? Он по своему плану играть намерен, тебя учитывать не обязан ни

разу, так я скажу. Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами. Или вот иногда мысль придет: что мне, старику без пяти минут, – где лягу, там и закопают, велика ли разница? Или же так – плюнуть на все, да и дело с концом. Две жизни ведь не проживешь, как ни крути. А пока живехонек еще, махну куда-нибудь на край света, на рыбалку, в палатке буду рассветы-закаты встречать, воду пить из ладони, птиц слушать, красота ведь! Вот ведь все как: с какой стороны посмотреть. Выше головы все равно ведь не прыгнешь. Так не будет, а уж как-нибудь да будет. Почем знать? Согласен? А?..

Если подневольный слушатель, которому все это время придется делать вид, что его стакан с чаем еще не до конца пуст, а пейзажи за окном еще немного различимы, и сможет пробормотать что-то в ответ, то настолько тихо, что его слова заглушит стук колес, поэтому вероятнее всего он предпочтет ограничиться кивком. Когда же неожиданный собеседник наконец отлучится в уборную, Петр, растеряв остатки своего ангельского терпения, тут же прекратит всматриваться в серебристую ручку подстаканника (из-за не в меру затянувшегося монолога нашему герою придется изучить все ее серебристые изгибы, мерцающие на фоне ночной гуаши) и ясно осознает, что настал час бежать. Да, не станем скрывать и это малодушие: наш герой самым позорным образом ретируется, посчитав драп единственно верным решением. Будет таков, одним словом.

Возвращение в полумрак и духоту пассажирских вагонов не посулит ничего радужного, напротив – пробудит самые хмурые мысли. Спящие люди покажутся столь же неприятными, как недавно они же бодрствующие, пожалуй даже какими-то жутковатыми. Пробираясь в полумраке, он почувствует себя кем-то вроде героя небезызвестного поэта, неспособным продвинуться дальше первой части мрачноватой комедии и в придачу лишенным провожатого (не считать же таковым прикорнувшего у кофеварки долговяза в синем пиджаке с криво нашитыми погонами). Разящие чесноком и перегаром рты, упрямо свисающие над головой носки (удвоенные теньями), потрескавшиеся губы (как он разглядит их?! завидная наблюдательность!), ботинки в лепнине грязи, покачивающиеся, словно связки бурых луковиц, головы, беспорядочные хрипы – все вновь предстанет в привычном, но одновременно как-то по-особенному гротескном естестве. В замкнутом концентрационном пространстве они напомнят не то каторжан, не то пациентов лечебницы. Редкие негрязящие с глазами затравленных зверьков почти прервут уже свое пьяное бормотание. Не станем развивать скучные сюжеты. Позволим себе упомянуть лишь одно событие: ногтистая рука выронит на пол бутылку, и сверкающие в свете ночника осколки, как хлопья щедрого салюта, посыплются во все стороны, а ползучая жидкая ржавчина пятнышко за пятнышком начнет завоевывать крапинки обшарпанного пола. Коричневая рука несколько секунд провисит в темном воздухе и внезапно решится на поразительно обреченный, тщетный в своей абсурдности жест: схватив со стола единственную тоненькую салфетку, развернет ее и опустит в самый центр расширяющейся на глазах лужи, надеясь приостановить таким образом бурые потоки. Надо ли говорить, что бумажка мгновенно будет размочалена и поглощена темно-рыжеватой жижей, словно плот, угодивший в самую сердцевину Мальстрёма. Лихорадочное шипение, бегущие синие тени. Покинем их.

Добравшись до своего отсека, Петр с облегчением отметит, что карточная игра (поверите ли?) завершена. Окаменевшие сокамерники уже давно будут спать, в крошечной, ползущей по глазам темноте лишь сопение и храп выдадут присутствие грузных тел. Забравшись на свою полку, он в предвкушении полуночного чтения зажжет светильник над головой, но желтый, едва приметный, глумливый огонек полумертвой лампочки не оставит никакой надежды для мыслей о книге. В воздушной саже будут с трудом различимы даже очертания собственных рук. В отчаянии он повернется на бок, пытаясь разглядеть что-нибудь за окном, и на его удачу как раз в этот момент там промелькнут сигнальные огни проносащегося мимо полустанка – несколько прощальных сияющих полос, исчезновение которых ознаменует окончательное погружение во тьму. Покажется только, что одно из этих быстрых пятен – по пояс

голый старик, держащий в зубах фонарик. Актер шаманского театра, выплевывающий проклятия вслед грохочущему железному чудовищу. Промельк его нездорового лица, подсвеченного красноватым мерцанием.

Нет, уснуть не удастся. Атмосфера (вернее, почти заменившие ее прогорклые чесночные испарения) покажется еще более душной, чем прежде: от рассеянной в темноте кислоты, от нестерпимой затхлости его буквально начнет тошнить. Путешествие окончательно превратится в (китайскую, что ли) пытку с разрезанием тела – ту, в которой умирающий должен испустить дух лишь на последнем кусочке (видимо, это должно произойти аккурат на конечной остановке). Полупрозрачные ломтики времени толщиной всего лишь в долю секунды, но никогда нельзя понять, какой именно осколок станет последним. А за окнами все так же будет струиться беспощадная темнота, лишь на мгновение рассекаемая лезвием локомотива и стягивающаяся вновь, как вязкая, пасмурная жидкость.

Стоп. Этот эпизод придется переписать. Вокруг героя должно быть поменьше людей. Сложно сказать, где именно, но он отыщет сумму, необходимую для поездки в купе. Не важно где. Здесь можно решиться даже на кражу.

Эпизод пятый, *назовем его «Тот же самый путь»*

Петр успеет перешагнуть через трещину между перроном и тамбуром за несколько минут до того, как вздувающиеся тучи лопнут и прольются черной, нетерпеливой водой. Уже в первом вагоне ему в нос ударит малоприятная поездная смесь запахов использованного белья, пота, пищевых припасов, перегара и еще чего-то непередаваемо скверного. Едва ли Петр обратит серьезное внимание на этот горький дым, темп его ходьбы все еще будет безотчетно соответствовать торопливой поступи прохожего, не желающего опоздать на поезд, еще не в полной мере чувствующего себя перескочившим с расползающейся льдины на надежный плот. Но вообще-то в подобной суетливости, конечно, не будет уже ни малейшего смысла: проглоченный трясущейся механической сороконожкой, он на два дня предоставит гигантскому насекомому все права на собственное перемещение из прошлого в грядущее. Ритмичность работы металлических поршней и пружин, вращения колес и сотрясения измазанных мазутом тросов очень скоро убаюкает его нервную суматошность, погрузит в забытие и странным образом придаст неистовой радости вяжущий привкус. Он превратится в одно из почти бездвижных привидений, сдавшихся на милость протяжного железнодорожного гула. Во время переезда вы – нигде. Более того, вы – никогда. Однако, вопреки всему, его собственное время еще будет длиться независимо от вселенского, даже в таком бессмысленном, отсроченном облике оно сохранит резерв независимости. (Удивительно, но и в знакомых нам по фантастическим историям новейших аппаратах будущего, способных, как в сказках, преодолевать любые расстояния, готовых наглядно развенчать правомерность противопоставления пространства и времени, это внутреннее дление, по-видимому, останется прежним – нестираемым пятном, тревожной тенью медлительности внутри неимоверной спешки.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.